



АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ*).

Вѣроятно, никто болѣе меня не удивится появленію въ печати полного собранія всего написаннаго мною въ прозѣ, въ теченіи шестидесятилѣтія и болѣе. Это уже не въ чужомъ, а въ собственномъ пиру похмѣлье. Впрочемъ, голова моя, кажется, крѣпка: чернилами до-пьяна я никогда не упивался.

Въ наше скороспѣлое и торопливое время такое позднее появленіе довольно любопытно. У насъ издаются книги только-что вчера дописанныя; листы высохнуть еще не успѣли: кажется, не только у насъ, но и вездѣ, иные издають книги, которыя только завтра напишутся, а пока спѣшатъ издать въ свѣтъ пробные листы. Что до меня касается, слѣдуетъ еще замѣтить, что предлагаемое нынѣ собраніе сочиненій моихъ предпринято не по моему почину и такъ-сказать отъ меня заочно. Благопріятели предложили, а я согласился. Какъ и почему согласился я, читателямъ и публикѣ знать въ подробности не нужно: это дѣло домашнее. Впрочемъ, не одинъ разъ друзья мои убѣждали меня собрать и издать себя. Кажется, и постороннія лица, и даже литературные недоброжелатели мои, удивлялись, съ примѣсью нѣкотораго сожалѣнія, что нѣтъ меня на книжномъ рынкѣ. Дѣло въ томъ, что въ старое время, то-есть когда былъ я молодъ, было мнѣ просто не до того: жизнь сама по себѣ выходила скоропечатными листками, типографія была тутъ въ сторонѣ, была не при чемъ. Вообще я себя расточалъ, а оглядываться и собирать себя не думалъ. Далѣе, когда дѣятельность литературы нашей начала сходить съ пути, по которому я слѣдовалъ,

*) Изъ перваго тома „Сочиненій князя П. А. Вяземскаго“, изданія графа С. Д. Шереметева. Томъ этотъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1878-мъ году, сдѣлался книжкою рѣдкостью. Графъ С. Д. Шереметевъ позволилъ намъ сдѣлать это заимствованіе, за что конечно поблагодарять его читатели „Русскаго Архива“. П. Б.

и приняла иное направленіе, на вызовъ издать написанное мною и разбросанное по журналамъ, отвѣчалъ я: „теперь поздно и рано“. *Поздно*—потому, что желѣзо остыло, а должно ковать желѣзо, пока оно горячо, то-есть, пока участіе читателей еще живо и сочувственно, пока не развлеклось оно новыми именами, новыми приемами. *Рано*—потому, что не настала еще пора, когда старое такъ состарится, что можетъ показаться новымъ и молодымъ. По неизмѣнному, житейскому порядку и круговращенію такъ бываетъ во многомъ: жизнь и исторія на лицо—онѣ засвидѣтельствуютъ правду этихъ словъ. Легко можетъ статься, что многое изъ нынѣ животрепещущаго и господствующаго не переживетъ вѣка и дня своего. Другое, нынѣ старое и забытое, можетъ очнуться позднѣе. Оно будетъ источникомъ добросовѣстныхъ изысканій, училищемъ, въ которомъ новыя поколѣнія могутъ почерпать если не уроки, не образцы, то преданія, не лишеныя занимательности и цѣнности не только для новаго, настоящаго, но и для будущаго. Слова: прошедшее, настоящее, будущее—имѣютъ значеніе условное и переносное. Всякое настоящее было когда-то будущимъ, и это будущее обратится въ прошедшее. Иное старое можетъ оставаться въ сторонѣ и въ забвеніи; но тутъ нѣтъ еще доказательства, что оно устарѣло; оно только вышло изъ употребленія. Это такъ, но запросъ на него можетъ возродиться. Антикваріи, продавцы старой мебели, старой утвари также удачно торгуютъ старьемъ, какъ и сосѣдняя съ ними лавка сбываетъ свой свѣжій и по послѣднему требованію изготовленный товаръ. Одно здѣсь условіе: старое должно имѣть свою внутреннюю и вѣсовую или художественную цѣнность. Въ такомъ товарѣ есть большая, неуываемая живучесть. Отлагая въ сторону стыдливую скромность и не подвергая себя упрекамъ въ излишней гордости, полагаю, что предлагаемый здѣсь товаръ не лишень, въ нѣкоторой степени, того и другаго свойства. Слѣдовательно, и моя рѣчь впереди. Стѣбитъ только дождаться удобнаго часа, а онъ пробьетъ уже безъ меня, но пробьетъ. Впрочемъ, нѣкогда и я имѣлъ свой часъ, и часы били еще съ трезвономъ и курантиками. Поздняя старость имѣетъ право говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ. Старикъ въ собственныхъ глазахъ своихъ уже не *я*, а *онъ*.

Въ такихъ условіяхъ выхожу предъ общественное судилище. Доволенъ буду я и малочисленнымъ одобрительнымъ вниманіемъ нѣкоторыхъ читателей; равнодушенъ буду,—по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ кажется, пока я еще въ кулисахъ и на сцену не вышелъ,—къ строгимъ приговорамъ другихъ судей, тѣмъ болѣе, что этотъ судъ будетъ что-то въ родѣ посмертнаго суда: меня вполнѣ живаго онъ

уже не застигнетъ. На долгомъ вѣку моемъ былъ я обстрѣлянъ и крупными похвалами, и крупною бранью. Всего было довольно. Выдержалъ я испытаніе и *заговора молчанія*, который устроили противъ меня. Я былъ отпѣтъ: кругомъ могилы моей, въ которую меня живаго зарыли, глубокое молчаніе. Что же? Все ничего. Не раздобрѣлъ, не раздулся я отъ первыхъ, не похудѣлъ—отъ другихъ. Натура одарила меня большою живучестью и тѣлесною и внутреннею. Это можетъ-быть досадно противникамъ моимъ. Прошу у нихъ въ томъ прощенія, но дѣлать мнѣ нечего. Я здоровъ своимъ здоровьемъ и боленъ своими болѣзнями. Чужіе не могутъ придать мнѣ здоровья, не могутъ со стороны привить мнѣ и недуги. Злокачественныя повѣтрія и наитія безсильны надо мною.

Какъ бы то ни было, вотъ являюсь я весь на лицо. Былъ старій чиновникъ; онъ прошелъ долголѣтнее служеніе и получилъ заслуженныя имъ знаки отличія. Но онъ не носилъ на себѣ этихъ знаковъ, не развѣшивалъ ихъ на шеѣ и груди своей. Онъ держалъ ихъ за образъ, предъ которымъ теплилась неугасаемая лампада. Онъ берегъ эти кресты на день погребенія своего. Безъ суевѣрія и страха, сдается иногда и мнѣ, что я выступаю съ литературными регаліями своими на прощаніе съ авторскою жизнію и со всякою другою. Эти регаліи улягутся на подушкахъ, которыя будутъ сопровождать мой гробъ. Миръ имъ и мнѣ!.. Скажу, что Карамзинъ сказалъ въ надгробной надписи, въ 1792 году, въ годъ рожденія моего; это также живая старина:
Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра.

Я вѣрую въ утро и воскресеніе мертвыхъ, слѣдовательно и въ свое.

I.

Заговоривъ о себѣ немножко, хочется поговорить еще болѣе. Чернила соблазнительны. Они имѣютъ нѣчто общее съ виномъ, чтобы не сказать съ кровью. Пьяница можетъ на нѣкоторое время наложить на себя трезвое пощенье; но попадись на языкъ его капля вина, онъ снова предается запою. Такъ первая капля крови дѣйствуетъ на нѣкоторыхъ звѣрей, къ сожалѣнію, и на нѣкоторыхъ людей. Эта капля пробуждаетъ свойственную имъ кровожадность. Не даромъ говорилъ Фридрихъ Великій, что въ каждомъ человѣкѣ таится тигръ. Ему вѣрить можно. Онъ, въ свое время, былъ и великій проливатель крови и великій проливатель чернилъ. Радуюсь, что судьба поставила меня въ возможность подражать ему только въ послѣднемъ отношеніи.

Вотъ въ чемъ дѣло. Полное изданіе сочиненій писателя есть, такъ-сказать, и выставка жизни его. Къ выставкамъ прилагаются обыкновенно указатели и пояснительные каталоги. Такъ хочется поступить и мнѣ. Къ выставкѣ моей считаю не лишнимъ приложить нѣкоторыя отмѣтки и комментаріи. Это будетъ родъ авторской исповѣди: смѣсь свидѣтельства о рожденіи, литературнаго формулярнаго списка и предсмертнаго духовнаго завѣщанія. Самъ не знаю, что изъ всего этого выйдетъ. Но что-нибудь да выйдетъ. Дамъ волю памяти своей и старческой болтливости.

II.

Съ тѣхъ поръ что помню себя, во мнѣ проявлялись и копошились какіе-то безсознательные зародыши литературные и авторскіе. Напримѣръ, во время оно, *Московскія Вѣдомости* выходили два раза въ недѣлю, по Средамъ и Субботамъ. Я всегда караулилъ появленіе ихъ въ домъ нашѣмъ и съ жадностію кидался на нихъ. Но искалъ я не политическихъ извѣстій, а стихотвореній, которыя въ нихъ изрѣдка печатались. Болѣе всего привлекали меня объявленія книгопродавцевъ о выходящихъ книгахъ. Читалъ я эти объявленія съ любопытствомъ и благоговѣніемъ, тѣмъ болѣе, что объявленія писались тогда витіевато и кудряво. Бывали еще объявленія отъ переводчиковъ, которые предостерегали совмѣстниковъ своихъ, чтобы они не брались за переводъ такого-то романа, потому что онъ уже переводится и скоро поступитъ въ продажу. Эти объявленія заставляли трепетать мое сердце. Я завидывалъ счастливымъ, которые переводятъ. Должно сознаться, что не одни книжныя оповѣщенія обращали дѣтское вниманіе мое. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* зачитывался я и преисъ-курантовъ виноторговцевъ; особенно нравились мнѣ поэтическія прозванія нѣкоторыхъ винъ, напримѣръ *Ласгума-Christi* и другія, равно благозвучныя. Тутъ, можетъ-быть, пробуждалась и звенѣла моя поэтическая струна, а можетъ-быть просто, но все-таки поэтически, отзывалось предвкусіе или предчувствіе, что нѣкогда буду и я съ пріятелями моими, Денисомъ Давыдовымъ и графомъ Михаиломъ Вьельгорскимъ, неравнодушнымъ цѣнителемъ благороднаго сока виноградныхъ кистей. За давностію времени, не берусь рѣшить, кто тогда бралъ верхъ надо мною: Аполлонъ или Вакхъ. Помнится мнѣ, что еще прежде находилъ я удовольствіе и даже наслажденіе въ первоначальномъ чтеніи по складамъ. Сочетаніе азбучныхъ буквъ въ одинъ звукъ ласкало мой музыкальный слухъ. Вообще, дѣтская память моя очень чутка. За послѣдующіе годы она слабѣе и безотвѣтнѣе. Помню, какъ *дядька мой Lapierre* сѣкалъ меня, четырехъ-или пятилѣтняго мальчика, бритвеннымъ ремнемъ въ Нижегородскомъ

генераль-губернаторскомъ домѣ. Лѣтъ тридцать спустя, если не болѣе, заходилъ я въ этотъ домъ, и, кажется, узнавалъ комнату, въ которой совершалась экзекуція надо мною, и припоминалъ ее вовсе безъ злопамятства. Да, милостивые государи, меня сѣкли ремнемъ, и послѣ нѣсколько разъ сѣкали розгами, однажды, и собственными руками отца моего, за персикъ, который я тайно присвоилъ себѣ и съѣлъ. Впрочемъ, не за лакомство свое былъ я наказанъ, а за ложь, то-есть за то, что не хотѣлъ признаться въ проступкѣ своемъ. Мнѣ было тогда лѣтъ восемь или девять. Не помню, плакалъ ли я подъ розгами, но помню слезы на глазахъ отца. Сознаюсь въ томъ и убѣжденъ я, что эти наказанія нисколько не унизили характера моего. О наказаніяхъ много нынѣ толкуютъ, но не доходятъ до того заключенія, что почти всѣ наказанія свойства болѣе или менѣе физическаго или тѣлеснаго. Содержаніе въ тюрьмѣ, ограниченіе пищи, приневоливаніе къ работамъ: развѣ все это нравственныя наказанія? Нѣтъ, это тѣже розги, бичующія тѣло. Странныя понятія и умозаключенія нашихъ филантроповъ. Они допускаютъ нравственныя наказанія: униженіе, пристыженіе самолюбія и достоинства человѣка, гласное, публичное посрамленіе, ошельмованіе человѣка; но крѣпко стоятъ за неприкосновенность тѣла: спины его и другихъ частей. Но развѣ тѣло почетнѣе и выше нравственныхъ и духовныхъ свойствъ человѣка? Сколько несостоятельности, неблагоразумія, противорѣчій въ человѣческихъ понятіяхъ и соображеніяхъ! Какъ много суемыслія и суесловія въ иныхъ *принципахъ*, въ такъ-называемыхъ системахъ и ученіяхъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ средняго разряда тѣлесныя наказанія торжественно отмѣнены. Это событіе празднуютъ, какъ погашеніе огней инквизиціи въ Испаніи, или взятіе и разрушеніе Бастиліи въ Парижѣ. Не спорю, что, можетъ-быть, бывали, даже и положительно бывали, злоупотребленія въ правѣ и обычаяхъ подвергать учениковъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что эти злоупотребленія бывали рѣдки, бывали прискорбнымъ исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Впрочемъ, вспыльчивый, заносчивый, раздражительный, несправедливый учитель и наставникъ могутъ и невооруженные розгами пагубно дѣйствовать на учениковъ, ввѣренныхъ заботливости ихъ. Могутъ они оскорблять ихъ и зарождаютъ въ нихъ чувства непокорства и злобы одними обидными словами, однимъ суровымъ и беспощаднымъ обращеніемъ съ этимъ чуткимъ, впечатлительнымъ и часто злопамятнымъ возрастомъ. Но за то нынѣ, при новыхъ порядкахъ, за шалость, которая, въ доброе старое время, вызвала бы на шалуна домашнюю, семейную, патриархальную расправу, въ увѣренности, по Русской поговоркѣ, что до свадьбы заживетъ, нынѣ, вмѣсто розогъ и за неимѣніемъ другихъ

подъ руками средствъ, отрока-шалуна выгоняють и исключаютъ изъ заведенія, то-есть разомъ губятъ его настоящее и будущее его. Родители, отдавая дѣтей своихъ въ училища, въ правѣ предполагать, что эти заведенія не только учебныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ воспитательныя и образовательныя. Они, такъ-сказать, передаютъ начальству заведенія обязанности и права свои въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ. Какой добросовѣстный и благоразумный, не говорю уже чадолюбивый и нѣжный, отецъ рѣшится за шалость, и даже за проступокъ, выгнать сына своего изъ родительскаго дома и бросить его на улицу? Такимъ поступкомъ доказалъ бы онъ, что не умѣетъ быть отцемъ и не достоинъ быть отцемъ. На то и дѣти и отроки, на то и обязательное попеченіе о нихъ, чтобы мѣрами нѣжной и неусыпной наблюдательности и строгаго взысканія развивать въ отрочествѣ зародыши и отрасли всего хорошаго и отсѣкать—безъ каламбура—худые и пагубные отпрыски и наросты. Само собою разумѣется, что о жестокости въ наказаніяхъ здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Такая жестокость, явно уличенная, должна быть строго преслѣдуема и караема закономъ, какъ въ домашнемъ, такъ и во внѣдомашнемъ воспитаніи, подобно тому, какъ взыскивается закономъ за всякое умышленное насильство или увѣчые, нанесенное другому. Въ краткое и, откровенно сознаю, почти бесполезное прехожденіе мое по министерству просвѣщенія, я всегда, по возможности, протестовалъ противъ подобныхъ изгнаній изъ учебныхъ заведеній. Чтобы не приписывали мнѣ болѣе того, что я дѣйствительно думаю, нужнымъ считаю договорить, что вовсе не выставляю себя присяжнымъ защитникомъ розогъ. Не полагаю, что въ нихъ заключается единственно спасительное пособіе воспитанія; но также не полагаю, чтобы совершенная отмѣна ихъ была вполне плодотворная и радикальная мѣра. Разумѣется, послѣ отмѣны ихъ, мудрено и, можетъ-быть, опасно возвратиться къ нимъ. Но человѣческой родъ такъ созданъ, что для многихъ и во всѣхъ возрастахъ страхъ наказанія нуженъ. Если достаточно было бы благодѣтельной силы слова, чтобы человѣка вполне пріучить къ одному добру и отучить отъ всякаго зла, то, кажется, лучше Евангелія уже ничего придумать нельзя. Но и оно не всѣхъ направляетъ и не всѣхъ исправляетъ, а потому позволю себѣ сказать въ заключеніе, что педагогіи и нынѣ не слѣдуетъ, по этому вопросу, отдохнуть на лаврахъ своихъ и на притупившихся розгахъ. Сей вопросъ, какъ говорится, остается пока еще открытымъ. Многое можно сказать *за* и многое *противъ*.

III.

Вообще, въ дѣтствѣ моемъ учился я лѣниво и разсѣянно. Во мнѣ не было никакого прилежанія и послѣ мало было усидчивости. Въ умѣ

моемъ нѣтъ свойства устойчивости. Мой отецъ, вѣроятно, замѣтившій этотъ умственный недостатокъ, хотѣлъ одолѣть его и подчинить дисциплинѣ математическаго ученія. Хотѣлъ уговорить меня, такъ-сказать выпрямить и отрезвить, въ умственной гимнастикѣ цифръ. Но усилія его были напрасны. Я не поддавался. Математика въ дѣтствѣ и отрочествѣ моемъ была мнѣ пугаломъ. Позднѣе, осталась она для меня тарабарскою грамотою. Не смотря на то, многіе изъ зрѣлыхъ годовъ жизни моей провелъ я по вѣдомству цифирному: то по дѣламъ внѣшней торговли, то по управленію государственнымъ заемнымъ банкомъ; по счастью, ни тутъ, ни тамъ при мнѣ обмолвки въ итогахъ не было. Богъ охраняетъ невинность. Такія встрѣчаются въ жизни противорѣчія и несоотвѣтственности! Родитель мой хотѣлъ сдѣлать изъ меня математика, судьба сдѣлала меня стихотворцемъ, не говорю, поэтому, ради страха Іудейскаго и изъ уваженія къ критикамъ моимъ, которые заключили, что я не совсѣмъ поэтъ, или совсѣмъ не поэтъ. Кажется, они тоже говорятъ и о Дмитріевѣ. Это меня утѣшаетъ. Кстати о немъ. Онъ, бывало, говорилъ, шутилъ, что Аполлонъ внушилъ мнѣ страсть къ стихамъ на зло отцу моему и въ отмщеніе однофамильцу нашему, Екатерининскому кн. Вяземскому, за то, что онъ преслѣдовалъ Державина. Отца огорчала моя разсѣянность или *развлекательность*: она была еще сильнѣе лѣни моей. Впрочемъ, это была, можетъ-быть, одна внѣшняя лѣнь, которая закрывала мою внутреннюю дѣятельность. Отецъ упрекалъ меня, что когда я возьму книгу въ руки, то начну читать ее безъ разбора, то съ середины, то съ конца, и поэтому безъ толка и безъ пользы. Замѣчаніе его должно быть справедливо, потому что и позднѣе читалъ я болѣе урывками. Въ жизни моей я очень многое прочелъ, но мало дочиталъ. И нынѣ у меня нерѣдко двѣ-три книги перебиваютъ одна другую. Вообще, я довольно смѣтливъ: изъ нѣсколькихъ страницъ постигаю сущность книги, и часто отрываюсь отъ пици, не дождавшись насыщенія. Такъ можно обращаться съ романами, особенно съ нашими, и вообще съ книгами легкаго содержанія. Съ другими книгами подобное обращеніе невыгодно. Но я всегда предпочитаю занятіе труда. Это также—погрѣшность и недостатокъ. Безъ труда ни до чего положительно и обстоятельно не дойдешь. Есть древняя поговорка: „Смертный, скользи, а не напирай“. Эта поговорка Эпикурейская. Болѣе строгая и глубокая мудрость, напротивъ, предписываетъ: напирай! Постоянный напоръ одолѣваетъ препятствія, а на каждомъ пути, предстоящемъ человѣку, препятствія встрѣчаются. Вообще, могу сказать о школярномъ возрастѣ своемъ и о послѣдовавшихъ возрастахъ, что я зналъ и знаю многое, чего можно было бы и не знать, а многое не знаю, что знать необходимо. Если не оши-

баюсь, этотъ недостатокъ правильной экономіи, эта неурядица нерѣдко встрѣчаются въ общей нынѣшней образованности: предметы знанія до безконечности умногосложились, а едва ли трудолюбіе усилилось соразмѣрно съ ними.

Въ дѣтствѣ моемъ, вѣроятно, былъ я не *серьёзное* дитя, а скорѣе нѣсколько угрюмое. Ловкости, удалства, рѣзвости во мнѣ не было. Старикъ Ringot, нашъ танцмейстеръ, говаривалъ, что я мѣшокъ. Не помню, чтобы я когда-нибудь съ увлеченіемъ предавался дѣтскимъ играмъ. Братъевъ у меня не было, слѣдовательно, въ домѣ я былъ довольно одинокъ. Дядкѣ моему, Никитѣ (который впоследствии сдѣлался ужаснымъ пьяницей и забавлялъ Жуковскаго) любилъ я передавать осколки изъ разговоровъ, подслушанныхъ мною у отца моего. Вѣроятно, ни дядька, ни я не понимали толково и хорошо этихъ выдержекъ. Но, можетъ-быть, и тутъ уже прорывались нѣкоторые намѣки на свойственную мнѣ наблюдательность и на развитіе способностей моихъ въ упражненіяхъ литературнаго сыщика и общежитейскаго сплетника.

Отецъ былъ со мною взыскателенъ и строгъ. Я болѣе боялся, нежели любилъ его. Любовь моя и уваженіе къ нему были, такъ-сказать, чувствомъ и плодомъ посмертнымъ. Я былъ вообще неуступчивъ и парадоксаленъ. Однажды замѣтили мнѣ за обѣдомъ, что я съѣлъ много хлѣба и много выпилъ воды. На это возразилъ я, что остаются еще при мнѣ крохи хлѣба и что графинъ не совершенно опустѣлъ. Отецъ приказалъ оставить для завтрашняго дня на прокормленіе и потребленіе мое то, что называлъ я остатками. Былъ я довольно трусливъ, и, вѣроятно, уже и тогда нервическаго сложенія. Отецъ хотѣлъ побѣдить во мнѣ и этотъ недостатокъ. Меня заставляли одного барахтаться въ Остафьевскомъ пруду, съ тѣмъ, чтобы выучился я плавать. Лѣтомъ, въ темную ночь, посылали меня одного въ рошу. Разумѣется, на всякій случай, слѣдили за мною, но тогда я этого не зналъ.

Между тѣмъ, отношенія мои къ отцу не всегда бывали такъ натянуты и строги. Помню, что онъ часто смѣялся моимъ дѣтскимъ устнымъ выходкамъ. Вѣроятно, были и онѣ проблески нѣкоторой стороны будущаго авторства моего. Рѣчь моя была иногда довольно бойка и оригинальна. Помню, что изъ многочисленныхъ посѣтителей дома нашего умнѣйшіе, напимѣръ, князь Бѣлосельскій, Нелединскій, графъ Левъ Разумовскій, князь Яковъ Лобановъ, обращались ко мнѣ, вызывая на какую-нибудь шутку или дѣтскую остроту. Выше сказалъ я, что учился

плохо въ дѣтской комнатѣ; но за то рано началъ я практическое учение въ салонѣ нашемъ: мѣтко вслушивался я въ разговоры, которые раздавались вокругъ меня. Въ этомъ отношеніи домъ нашъ былъ для меня живою школою. Разумѣется, многого изъ разговоровъ не понималъ я, иное понималъ криво, но все же кое-что схватывалъ. Такимъ образомъ мой умъ могъ развиться довольно рано, хотя и не совсѣмъ правильно.

Также рано началъ я писать стихи и, здѣсь можно сказать, совсѣмъ неправильно. Первоначальные стихи мои были Французскіе. Видно, что эта способность моя была гласно признаваема и дома. При подаркѣ на новый годъ карманной книжки отцу съ тремя портретами нашими вызвали меня приложить стихи къ этому поднесенію. Замѣтимъ мимоходомъ, что эти портреты писаны были графомъ Кзавье-де-Местромъ, извѣстнымъ послѣ авторомъ „Путешествія кругомъ комнаты моей“, „Сибирячки“ и другихъ сочиненій, исполненныхъ дарованія и оригинальной прелести. Тогда жилъ онъ въ Москвѣ эмигрантомъ и занимался живописью для снисканія средствъ къ существованію.

Въ 1805 году написалъ я Французскіе стихи на смерть Нельсона. Нечего и говорить, что все это было болѣе или менѣе безграмотно. Но червякъ стихотворства уже шевелился во мнѣ. Правильно, или, по-крайней-мѣрѣ, правильнѣе сталъ я писать гораздо позднѣе, едва ли не со времени сближенія моего съ Жуковскимъ. Послѣ слышалъ я отъ прежнихъ учителей своихъ, что я казался совершенно тупымъ и будто отсутствующимъ при преподаваніи ихъ; но если когда-нибудь, въ урокѣ или въ книгѣ, приводились стихи или рѣчь заходила о чемъ-то баснословномъ и поэтическомъ, то вниманіе мое внезапно просыпалось и сосредоточивалось. Лицо мое просіяетъ, и я становлюсь совершенно другимъ мальчикомъ.

Впервые слышанныя мною оды Ломоносова приводили меня въ упоеніе. Не вникалъ я въ ихъ смыслъ, но съ трепетомъ заслушивался стройныхъ и звучныхъ ихъ волнъ. Отъ Державина я былъ безъ ума. Коротко знакомый Карамзину, Ив. Сем. Набоковъ, газетный цензоръ при Московскомъ Почтамтѣ, былъ часто жертвою моей державиноманіи. При удобномъ случаѣ, то и дѣло отпускалъ я ему строфы изъ поэмъ Державина. Разъ онъ не вытерпѣлъ и сказалъ мнѣ: вы удивительно напоминаете мнѣ пріятеля моего, который ужасно надоѣдалъ мнѣ Державинимъ. Монологи и сцены изъ трагедій Расина и Вольтера, которые мнѣ давали выучивать наизусть, были для меня и прежде не

уроками, а наслажденіемъ. И теперь еще слышится мнѣ, какъ декламировалъ я тираду изъ Альзиры: „Mânes de mon amant“ и прочее.

Но не одни князья поэзіи: Ломоносовъ, Державинъ, Расинъ, Вольтеръ, покорили меня могуществомъ своему. Сознаюсъ, что бывалъ я въ плѣну и у князя Шаликова, съ которымъ, впрочемъ, были мы и послѣ хорошими пріятелями. Была въ отрочествѣ моемъ пора, когда вкусилъ я отъ *Плодовъ свободныхъ чувствованій*: подъ этимъ названіемъ изданы были въ свѣтъ молодыя сочиненія Шаликова, собраніе разныхъ сантиментальныхъ и пастушескихъ статей. Однажды съ профессоромъ Рейсомъ, у котораго я жилъ по назначенію отца моего, ходили мы на Воробьевы-Горы. Тутъ встрѣтился я съ крестьяниномъ, и подъ сантиментальнымъ наитіемъ Шаликова началъ я говорить крестьянину о прелестяхъ природы, о счастіи жить на материнскомъ лонѣ ея и такъ далѣе. Собесѣдникъ мой, не вкусившій плодовъ, которыми я обкушался, пучилъ глаза свои на меня и ничего не отвѣчалъ. Наконецъ, спросилъ я его: доволенъ ли онъ участію своею? Отвѣчалъ: доволенъ. Спросилъ я его: не хотѣлъ ли бы онъ быть бариномъ? Отвѣчалъ онъ: нѣтъ, барство мнѣ не нужно. Тутъ я не выдержалъ: вынулъ изъ кармана пяти-рублевую синюю ассигнацію, единственный капиталъ, которымъ я владѣлъ въ то время, и отдалъ ее крестьянину. Долго радовался я впечатлѣнію, которое оставила во мнѣ эта прогулка à la Chalikof. Была у меня полоса Сумароковская; это было время военное: захотѣлось мнѣ испытать силы мои на лирической трубѣ, но не по слѣдамъ Ломоносова, а Сумарокова. Вотъ и началъ я:

Воспой, о, Муза, пѣснь високу
И въ струны лиры ударяй,
Воспой враговъ ты суматоху
И славу Россовъ возглашай.

Я очень дорожилъ словомъ *суматоха*. Мнѣ казалось, что тутъ есть какой-то отзывъ своевольной и, такъ-сказать, фамиліарной поэзіи Сумарокова въ противоположность съ поэзією Ломоносова, нѣсколько чопорною и официальною; а можетъ быть, и просто увлекала меня нѣкоторая аналогія въ звукахъ: Сумароковъ, суматоха. Впрочемъ, я и нынѣ не отрекаюсь отъ Сумарокова. Почитаю его однимъ изъ умнѣйшихъ и живѣйшихъ писателей нашихъ. Пушкинъ говаривалъ, что онъ вѣрнѣе зналъ Русскій языкъ и свободнѣе владѣлъ имъ, чѣмъ Ломоносовъ.

Если рѣчь дошла до исповѣди въ грѣхахъ юности или, правильнѣе, отрочества моего, то нужно упомянуть, что первая эпиграмма моя,

или будто эпиграмма, пала на долю Мерзлякова. И вотъ по какому поводу. При опредѣленіи моемъ въ домъ профессора Рейса (зять извѣстнаго и домоваго врача нашего Керестури) приглашены были для преподаванія мнѣ наукъ лучшіе профессора блестящаго періода Московскаго Университета: Буле, Рейнгардтъ и другіе. Въ числѣ ихъ долженъ былъ быть и Мерзляковъ. Нѣмецкіе профессора добросовѣстно и аккуратно проливали на меня лучи познаній своихъ. Одинъ Мерзляковъ оставался при обѣщаніяхъ. Наконецъ, отправили меня къ нему, чтобы развѣдать о причинѣ упорнаго отсутствія его. Не засталъ я его дома. Мало знакомый тогда съ эпистолярными приличіями, оставилъ я ему записку, которая такъ начиналась: Господинъ Мерзляковъ, прошу васъ etc. На другой день, университетскій сторожъ принесъ мнѣ на грязномъ лоскутѣ бумаги записку, приблизительно такого содержанія: „Господинъ Вяземскій, я не школьный учитель, готовый ходить въ домъ къ какому-нибудь Нѣмцу, чтобы давать вамъ уроки“. Записка огласилась. Нѣмецкіе профессора взволновались. Кажется, даже сдѣланъ былъ выговоръ Мерзлякову отъ имени Михаила Никитича Муравьева, тогдашняго куратора Университета Московскаго. Съ моей стороны амбиція была тоже затронута, и вотъ чѣмъ она разразилась. Скажемъ напередъ, что Мерзляковъ въ то время подписывалъ стихотворенія свои, печатаемые въ *Вѣстникъ Европы*, слѣдующими буквами *Мрзк.* или чѣмъ-то подобнымъ.

Разговоръ.

Ты, знаешь ли, мой другъ, кто *мерзкій* сочинитель?—

Какіе пустяки! Онъ школьный лишь учитель.—

Да, кто-жъ тебѣ сіе сказалъ?—

Въ письмѣ онъ самъ мнѣ написалъ.

Эпиграмма безграмотная, но она имѣла большой успѣхъ въ кругу Нѣмецкой профессуры. А товарищъ мой по ученію, какой-то Челищевъ—не знаю, что съ нимъ сдѣлалось—добрый малый, но вовсе не эпиграмматическій, сказалъ мнѣ, что я собаку съѣлъ. Замѣтимъ мимоходомъ, хотя и не безъ хвастовства, что Жуковскій сказалъ мнѣ однажды (разумѣется, гораздо позднѣе), что я съѣлъ цѣлую свору собакъ. Впрочемъ, какова ни есть моя эпиграмма, она была мой первый шагъ, *mon premier coup de feu*, на поприщѣ, на которомъ я впоследствии перестрѣливался болѣе или менѣе удачно.

Однажды навсегда, обязанъ я объяснить читателю, что въ разсказахъ моихъ не всегда держусь хронологическаго порядка. Хронологія—наука чисель, а я, какъ уже извѣстно, плохой счетоводецъ. Выбрасываю изъ мѣшка, что попадется. Подбираю воспоминанія свои болѣе

по мастямъ. Если будетъ у меня біографъ, пусть онъ потрудится сводить и группировать года мои, какъ слѣдуетъ, а работать на него и за него не намѣренъ. Иной умъ плотно переплетенъ въ одну книгу: страницы въ строгомъ порядкѣ слѣдуютъ одна за другою; другіе умы худо переплетены, сшиты на живую нитку, страницы перемѣшаны. Мой умъ состоитъ изъ летучихъ листковъ.

Теперь прошу читателя поворотить нѣсколько обратно. Въ дѣтской, или отроческой жизни моей совершился крутой поворотъ.

IV.

Было уже сказано, что мой отецъ былъ вообще недоволенъ мною, особенно ученіемъ моимъ. Не ему въ укоръ, не себѣ въ оправданіе, а для соблюденія истины, скажу, что мое ученіе, ни въ какомъ случаѣ, не могло быть успѣшно, потому что оно не было правильно. Отецъ былъ человѣкъ большаго ума и высокой, по тому времени, образованности. Когда вспоминаю о немъ, почти всегда вижу его въ вольтеровскомъ креслѣ съ книгою въ рукѣ.

Само-собою разумѣется, что онъ хотѣлъ и изъ меня сдѣлать человека просвѣщеннаго. Не знаю, какъ и чѣмъ объяснить себѣ, но выборы наставниковъ, гувернеровъ, учителей моихъ были вообще неудачны. Не въ деньгахъ было дѣло. Отецъ имѣлъ порядочное состояніе и денегъ на воспитаніе дѣтей своихъ жалѣть бы не сталъ. Много перебивало при мнѣ Французовъ, Нѣмцевъ, Англичанъ; но ни одинъ изъ нихъ не былъ способенъ приучить меня къ ученію, а это главное въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія. О Русскихъ наставникахъ и думать было нечего. Ихъ не было,—не знаю, много ли ихъ теперь. Надобно было ловить иностранцевъ на удачу. Припоминается мнѣ одинъ дядька, Нѣмецъ, который долженъ былъ наблюдать за мною и учить меня Нѣмецкому языку. Тогда въ Москвѣ, въ Охотномъ ряду, былъ большой трактиръ, извѣстный подъ именемъ Цареградскій. Это было, по нынѣшнимъ понятіямъ, родъ кофейной, куда стекались иностранцы, въ особенности учителя, родъ биржи, рынка, куда приходили нанимать домашнихъ учителей. Мой Нѣмецъ выговаривалъ себѣ, между прочими условіями, позволеніе отлучаться вечеромъ часа на два. Эти часы были посвящены Цареградскому сборному мѣсту. Возвращался онъ оттуда всегда болѣе или менѣе на-веселѣ. Отецъ, окруженный пріятелями и посѣтителеми и увлеченный живостью разговора, того замѣтить не могъ, но дѣти чутки и вообще наставниковъ своихъ не любятъ. Кто-то

изъ домашнихъ посѣтителей спросилъ меня: какъ доволенъ я новымъ наставникомъ своимъ? Il cultive volontiers la vigne du Seigneur¹⁾, отвѣчала я. Вѣроятно подслушалъ я это выраженіе гдѣ-нибудь на лету и употребилъ его кстати. Мой отвѣтъ имѣлъ большой успѣхъ. Однажды менторъ мой возвратился грузнѣе обыкновеннаго. Я подошелъ къ нему, и спросилъ: какъ сказать по-нѣмецки—вонять.—Stinken. А зачѣмъ спрашиваете вы это? продолжалъ онъ.—Чтобы сказать вамъ: Sie stinken nach vino²⁾. Неправильны были слова мои, но попали они въ цѣль. На дерзость мою дядька жаловался отцу. Мнѣ было крѣпкое родительское головомытье, но и ментора выгнали изъ дома.

Всѣ эти обстоятельства вразумили родителя моего, что домашнее, одиночное воспитаніе для меня не годится. Въ Москвѣ учебныхъ общественныхъ заведеній въ почетѣ не было. Не знаю, какъ и чрезъ кого, отецъ вошелъ въ сношенія съ Іезуитскимъ заведеніемъ въ Петербургѣ. Однажды, это было лѣтомъ, въ селѣ нашемъ Остафьевѣ, отецъ вызываетъ меня къ себѣ. Нашелъ я его на террасѣ, выдающейся въ садъ. Передъ нимъ былъ столъ, на столѣ бумага, чернильница и перья. Довольно сурово, но видимо и грустно озабоченный, приказалъ онъ мнѣ сѣсть и писать подъ диктовку его. Диктовалъ онъ на Французскомъ языкѣ. Въ импровизациі своей онъ мастеръ былъ говорить и, большой діалектикъ, изложилъ онъ картину моего воспитанія, не отвѣчающаго желаніямъ его; беспощадно вычислялъ всѣ недостатки и погрѣшности мои. Обвинительный актъ ничего не пропустилъ и былъ полновѣсенъ. Между прочимъ отецъ упоминалъ, какъ доволенъ онъ дочерьми своими, которыя утѣшаютъ и радуютъ старость его, тогда, какъ я. . . . Тутъ умиленіе и слезы не дали ему возможности продолжать. Онъ отпустилъ меня, и приказалъ мнѣ переписать набѣло продиктованное имъ.

Скажу откровенно. Я не былъ растроганъ этою сценою. Вѣроятно, казалось мнѣ, что судъ и приговоръ, надо мною произнесенные, были слишкомъ строги. Я какъ-будто чувствовалъ, что не я одинъ виноватъ въ неудовлетворительныхъ послѣдствіяхъ воспитанія моего. Тогда былъ при мнѣ наставникомъ и преподавателемъ Французъ Дандилли, и, кажется, съ нѣкоторыми притязаніями на родственное свойство съ извѣстнымъ духовнымъ писателемъ Arnaud d'Andilly. Но какъ бы то ни было, ни въ нравственномъ, ни въ ученомъ и учебномъ складѣ своемъ

¹⁾ Т. е. онъ охотно работаетъ въ виноградникѣ Господнемъ. Это Французская поговорка про пьяницъ. П. Б.

²⁾ Т. е. вы еще воняете виномъ. П. Б.

не отвѣчалъ онъ требованіямъ и условіямъ званія своего. Онъ былъ не глупый Французъ, добродушный, уживчивый, очень веселый, забавный краснбай; въ домѣ нашемъ былъ онъ всѣми любимъ. Послѣ того завелъ онъ въ Москвѣ Французскую книжную лавку. До конца жизни его оставался я съ нимъ въ короткихъ и пріятельскихъ сношеніяхъ. Гораздо позднѣе прочтеніе этой бумаги пробуждало во мнѣ умиленіе и сожалѣніе, что я не въ радость былъ отцу моему.

Вскорѣ послѣ наказной грамоты, отецъ мой, не смотря на лѣта свои, немощи и особенно домосѣдныя привычки, самъ отвезъ меня въ Петербургъ. Я былъ помѣщенъ въ Іезуитскій пансіонъ. Послѣ предварительнаго и легкаго испытанія опредѣленъ былъ я во второй классъ, то-есть средній. Въ этомъ классѣ товарищи были всѣ, болѣе или менѣе, ровесниками моими. Это было по ученію. Но вскорѣ отношенія и сношенія мои связались гораздо тѣснѣе съ воспитанниками старшаго класса. Всѣ были они старше меня; нѣкоторые опереживали меня четырьмя и пятью годами. Они возвысили меня до себя и обходились со мною, какъ съ ровнею. Тогда это меня радовало, но я не зазнавался, и самолюбіе мое не обольщалось. Но теперь не могу не заключить, что, стало-быть, въ то время я чего-нибудь да уже стоилъ. Стало-быть, въ характерѣ моемъ, въ умѣ были до нѣкоторой степени развиты привлекательныя свойства, которыя сближали меня со старшимъ поколѣніемъ. Нынѣ съ умиленіемъ приношу дань благодарности этимъ товарищамъ, которые призрѣли меня. Но едва ли не надъ однѣми могилами раздается голосъ моей признательности. Смерть всѣхъ ихъ перебрала. По-крайней-мѣрѣ, не знаю, гдѣ отыскать мнѣ живаго товарища. Но память о нихъ и о той счастливой порѣ жизни еще жива во мнѣ.

Вызовемъ нѣкоторыя имена изъ этой приснопамятной для меня дружины, изъ этого разсадника, въ которомъ развивались и созрѣвали будущія силы. Юшковъ, уже и тогда ваятель или рѣзчикъ, но изъ бумаги и изъ картъ, будущій охотникъ до лошадей и знатокъ; онъ искусно и изящно вырѣзывалъ статныхъ и породистыхъ лошадей, которыми любовались мы и даже промышляли, пуская ихъ между собою въ продажу и обмѣну. Челищевъ, смуглый, черноволосо-кудрявый, котораго прозвали мы Цыганомъ. Пріятная симпатическая личность. Брусиловъ, будущій герой многихъ не писанныхъ, но осуществившихся романовъ. Энгельгардтъ, Обресковъ, Сѣверинъ, Смирновъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчалъ я послѣ по пути жизни, и всегда сходились мы, какъ нѣкогда бывшіе товарищи, бывшіе рекрутскіе однокашники. Съ одними разрознила насъ смерть, съ другими—жизнь.

Съ однимъ Сѣверинымъ отроческое товарищество, по благопріятному стеченію обстоятельствъ, обратилось въ крѣпкое и до конца неизмѣнное дружество. Въ пансіонѣ онъ прекрасно учился и былъ поведенія образцоваго. Одаренный отличными способностями, онъ и тогда уже обѣщалъ быть правильнымъ, осторожнымъ и оглядливимъ дипломатомъ. Энгельгардтъ,—онъ въ послѣдствіи хорошо и всенародно былъ знакомъ Петербургу. Расточительный богачъ, не пренебрегающій веселіями жизни, крупный игрокъ, впрочемъ, кажется, на вѣку своемъ болѣе проигравшій, нежели выигравшій, строитель въ Петербургѣ дома, сбивающагося немножко на Парижскій Пале-Рояль, со своими публичными увеселеніями, кофейнями, ресторанами. Построеніе этого дома было событіемъ въ общественной жизни столицы. Пушкинъ очень любилъ Энгельгардта за то, что онъ охотно игралъ въ карты, и за то, что очень удачно игралъ словами. Острыя выходки и забавные куплеты его ходили по городу. И въ пансіонѣ еще промышлялъ онъ этимъ, между прочимъ, и на мой счетъ, какъ говорится. Тотчасъ по водвореніи моемъ привѣтствовалъ онъ меня слѣдующимъ куплетомъ:

Mon Prince,
De quelle province?
—Coucou,
De Moscou.

Можно представить себѣ, съ какимъ единогласіемъ весь пансіонскій людъ подхватилъ этотъ куплетъ. Мнѣ прохода не давали: преслѣдовали меня, встрѣчали и провожали этою импровизаціею. Одно время воспитанники забавлялись пусканіемъ мыльныхъ пузырей. Сѣверинъ былъ всегда довольно худощавъ, а тогда и ростомъ малъ. Онъ проходилъ по двору, когда слеталъ одинъ изъ этихъ пузырей. „Посторонись!“ закричалъ ему кто-то со второго этажа. Энгельгартъ не пропустилъ случая и сказалъ:

О, день, счастливый день, въ который
Котенокъ смерти избѣжалъ,
Когда пузырь полетъ свой скорый
На малой точкѣ основалъ.

Сѣверинъ и въ пансіонѣ прованъ былъ котенкомъ, какъ-бы въ предсказаніе того, что въ Арзамасѣ будетъ онъ значиться *Ръзвый Коть*. Позднѣе Энгельгартъ забавно и удачно пародировалъ строфу Овѣгина о знаменитой танцовщицѣ Истоминой. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ картежникѣ:

Тщедушный и полувоздушный,
Тузу козырному послушный etc.

Алексѣй Обресковъ, старшій сынъ генерала Михаила Алексѣевича. Судя по впечатлѣніямъ моимъ и дальнимъ воспоминаніямъ, заключаю,

что онъ носилъ въ себѣ залого блестящаго будущаго. Въ натурѣ его было что-то благородное, мыслящее и степенное. Но этимъ задаткамъ не дано было вполне развиться и созрѣть. Немного лѣтъ, по выходѣ изъ пансіона, былъ онъ смертельно раненъ на приступѣ Рущука. Кажется, былъ онъ адъютантомъ при молодомъ предводителѣ войскъ нашихъ, графѣ Каменскомъ, котораго также преждевременная смерть похитила съ поприща богатаго многими надеждами, не обратившимися въ событія. Мнѣ рассказывали, что, умирая отъ ранъ своихъ, Обресковъ полу-шутя, полу-грустно, часто твердилъ: ну, милый Алексѣй Михайлычъ, какъ думаешь, останешься ли ты живъ или нѣтъ? Жизнь еще мало имъ испытанная, жизнь только-что разцвѣтавшая и не дожившая до терній, разумѣется, улыбалась ему и обольщала его. Въ шуточной предсмертной бесѣдѣ его съ самимъ собою отзывается и звучитъ нота силы характера и себялюбивой скорби.

Другой товарищъ нашъ, Смирновъ, встрѣтилъ также молодую смерть на этомъ злополучномъ приступѣ. Милый образъ его возбуждаетъ во мнѣ особенно сочувственное и умиленное воспоминаніе. Все было въ немъ привлекательно: красивая наружность, выразительные глаза, въ лицѣ свѣжесть и румянецъ цвѣтущей молодости, стройный, статный ростъ, золотистаго оттѣнка волосы. Внутреннія качества превышали внѣшнія: любезный нравъ, радушная откровенность, чистая и возвышенная душа, цѣломудріе и какое-то нравственное благоуханіе вѣяло отъ него. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ чистѣйшее существо изъ многолюднаго нашего кружка. Былъ онъ веселаго настроенія, но и мечтателемъ съ поэтическимъ оттѣнкомъ. Онъ влюбленъ былъ въ поэзію Оссіана, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ кавалергардскій мундиръ. Любимою мечтою его, задушевнымъ желаніемъ было опредѣлиться въ этотъ полкъ тотчасъ по выходѣ изъ пансіона. Съ глазами зависти смотрѣлъ онъ на молодаго, красиваго Чернышева, впоследствии князя и военного министра, котораго встрѣчали мы въ Аничковской церкви, куда ходили мы по Воскресеньямъ и праздникамъ. Смирновъ имѣлъ склонность къ рисованію. Въ свободные отъ уроковъ часы любилъ онъ рисовать сцены изъ Оссіановскихъ поэмъ. Но Фингалы и другіе герои, плывшіе въ облакахъ съ арфою въ рукѣ, были всегда и обязательно облечены въ полную кавалергардскую амуницію. Онъ съ перваго раза полюбилъ меня нѣжною и руководительною любовію старшаго брата. Я также полюбилъ его съ нѣжностію, но и подчиненностію. Наставленія, предостереженія его носили отпечатокъ чистой нравственности, заботливости и дружелюбія. Изъ него, безъ сомнѣнія, вышелъ бы замѣчательный человѣкъ, образецъ всего чистаго и прекраснаго, въ сферѣ нравственной

и житейской дѣятельности. Собственно для меня былъ бы онъ другимъ Жуковскимъ. Лучшей и вѣрнѣйшей похвалы, сердечнѣйшихъ поминокъ о немъ придумать не могу, какъ сближеніемъ имени его съ именемъ для меня дорогимъ и незабвеннымъ.

Въ этой средѣ избранныхъ товарищей умъ мой и вообще настроеніе мое развивались и созрѣвали не по годамъ, можетъ быть, въ нѣкоторомъ отношеніи, даже слишкомъ рано. Но это, кажется, такъ въ Русской натурѣ: или безплодіе, или скороспѣлки. Литтература, особенно Русская, была не чужда этому кружку. Пушкина еще не было, Жуковскаго еще почти не было, Крылова также. Державинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ были нашими любимыми руководителями и просвѣтителями. Я былъ еще профанъ, или новичокъ-послушникъ въ этой области. Многіе изъ товарищей знали наизусть лучшія строфы Державина, басни, а еще болѣе сказки Дмитріева. Все это побуждало мои литтературныя наклонности. Внѣшніе голоса доходили также до нашихъ монастырскихъ келій. По Воскресеньямъ и большимъ праздникамъ воспитанники отпускались къ роднымъ и къ лицамъ, извѣстнымъ начальству нашему. У меня въ Петербургѣ близкихъ родственниковъ не было. По большей части оставался я, подобно другимъ безроднымъ товарищамъ, дома. Въ утѣшеніе водили насъ въ близкій Лѣтній-Садъ. Лѣтомъ, ректоръ, патеръ Чижъ, который особенно любилъ и какъ-то отличалъ меня, иногда бралъ меня и на дачу, въ семейство Голландскаго купца, который имѣлъ магазинъ въ домѣ принадлежавшемъ Римской церкви. Тамъ, кромѣ особаго и лакомаго угощенія, забавлялся я игрою въ кегли. Вечеромъ, когда возвращались домой счастливы, которые провели день въ семейномъ кругу, или въ большомъ свѣтѣ, вѣстямъ и разговорамъ не было конца. Къ нимъ я жадно прислушивался. Зародыши будущаго мірянина и свѣтскаго челоуѣка пробуждались во мнѣ. Это также было нѣчто въ родѣ школы житейской и литтературной. Дѣти и отроки вообще чутки и зорки. Напримѣръ, мы изъ оконъ подмѣтили, что въ извѣстный часъ, почти ежедневно, Императоръ проѣзжалъ верхомъ по переулку вдоль дома нашего. На встрѣчу, какъ по заведенному порядку, выѣзжала карета. И лошадь Государя, и карета, въ которой сидѣла красивая дама*), останавливались другъ предъ другомъ. По видимому, на нѣсколько минутъ, завязывался разговоръ. Разумѣется, все это подглядывали мы осторожно и тайкомъ. Тогда не были еще въ ходу историческіе романы. Вальтеръ-Скотъ не проложилъ имъ еще пути въ литтературѣ. Но мы, какъ-то самоучкою, дошли до понятія, что могутъ быть историческіе и державные романы.

*) Марія Антоновна Нарышкина. П. Б.

Здѣсь прощусь съ товарищами веселаго возраста жизни моей. Мы вмѣстѣ разцвѣтали. Такая пора оставляетъ по себѣ въ сердечной памяти глубоко грустное, но и сладостное впечатлѣніе. Скажу съ Гёте и Жуковскимъ:

Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!

А съ благодарностію: были!

Простившись съ друзьями, не могу воздержаться отъ сердечной потребности помянуть также добрымъ словомъ и теплое гнѣздо, которое нѣкогда насъ собрало и пріютило. И здѣсь, вѣроятно, тѣшу я себя одного, да и то съ какимъ-то самоотверженіемъ. Здѣсь вступаю на жгучую почву, но я давно опаленъ и обстрѣленъ. Огня не боюсь. Знаю, что въ настоящее время Іезуиты не въ чести, не только на Западѣ, но и у насъ, вѣроятно болѣе изъ подражанія. Мы довольно склонны развертывать зонтики свои (на нашемъ богатомъ языкѣ нѣтъ, между прочимъ, слова *parapluie*, *Regenschirm*), когда идетъ дождь, на примѣръ, въ Парижѣ. Пословица говоритъ: лежачаго не бьютъ. Кажется, тѣмъ паче не слѣдовало бы бить отсутствующаго, или даже небывалаго, а мы все-таки бьемъ по пустому мѣсту. Не пускаюсь въ отысканіе и въ изслѣдованіе Іезуитскихъ дѣйствій и вліяній на Римскомъ церковномъ Западѣ. Это не мое дѣло. Но спрошу: гдѣ у насъ эти пугала, эти опасные и грозные Іезуиты, которые, какъ тѣни и призраки, пробѣгаютъ еще по страницамъ печати нашей? Гдѣ, за рѣдкими, совершенно личными исключеніями, искать ихъ въ послѣднемъ столѣтіи исторіи нашей? Гдѣ вредныя для государственнаго объединенія нашего обращенія или совращенія съ пути православія одиновѣрцевъ нашихъ? Когда и были они, то много ли ихъ? Скажемъ за глаза: нѣсколько десятковъ, считая въ нихъ и женщинъ. Стѣбитъ ли изъ этого горячиться и бить въ набатъ, какъ при пожарѣ или нашествіи непріятели? Стѣдитъ ли говорить и писать объ этомъ? Это капля въ морѣ или капля, выцѣженная изъ моря. А сколько пролито было чернилъ ради этой капли? Въ числѣ ихъ были и умныя и бойкія, но на какой конецъ? Мудрено объяснить. Не вступаю за отщепенцевъ, не берусь оправдывать ихъ. Готовъ я согласиться, что нѣкоторые отrekliсь отъ церкви по легкомыслію, по невѣдѣнію сущности церкви нашей; другіе, если можно употребить подобное выраженіе въ такомъ случаѣ, обратились по модѣ. Знаю женщинъ, которые оримянились, когда было повѣтріе на обращеніе, и возвратились въ лоно православной церкви, когда повѣтріе и мода миновались.

Но въ ихъ числѣ есть и люди, которые поступили по совѣсти, особенно изъ тѣхъ, которые послѣ посвятили себя духовной и монашеской жизни; есть и такіе въ средѣ отпадшихъ братьевъ нашихъ.

Религіозная совѣсть имѣть свои тайны, которыя легко и необдуманно оцѣнивать и въ особенности порочить нельзя. Во всякомъ случаѣ не дѣло христіански-евангельское закидывать камнями и отпадшихъ, и блуждающихъ братьевъ. Молитесь за нихъ, если вамъ ихъ жаль, но не поносите ихъ. Остроумія и перуновъ вашихъ не расточайте на нихъ.

Вообще нельзя не замѣтить, что у насъ бываютъ охотники создавать предъ собою и предъ обществомъ чудовищныя страшилища, чтобы доставить себѣ удовольствіе ратовать противъ нихъ и протыкать ихъ своими спасительными перьями. Эта способность пугать и напугивать бываетъ иногда очень забавна, но бываетъ часто и вредна. Въ такомъ настроеніи духа противорѣчія неизбѣжны. Высокомѣріе и малодушіе, трусливость и задорливость сталкиваются на каждомъ шагу. То ставятъ Россію такъ высоко, что она внѣ всѣхъ возможныхъ покушеній на нее, то уже такъ низко, что она, тщедушная, разлетится въ прахъ, при малѣйшемъ враждебномъ дуновеніи. Мы уже не говоримъ, что врага шапками закидаемъ, но еще думаемъ, что можемъ Европу закидать словами. Въ политикѣ и въ литературѣ анахронизмы приводятъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Пожалуй, найдутся у насъ публицисты, которые начнутъ пугать насъ набѣгами Печенѣговъ. По мнѣ Іезуиты у насъ тѣже Печенѣги.

Но послѣ долгаго отступленія, пора возвратиться мнѣ къ своимъ собственнымъ Іезуитамъ. Эти Іезуиты, начиная отъ ректора, патера Чижана, были—по крайней мѣрѣ, въ мое, или наше время—просвѣщенные, внимательные и добросовѣстные наставники. Уровень преподаванія ихъ былъ возвышенъ. Желавшіе учиться хорошо обучились; примѣромъ служить, между прочимъ, Сѣверинъ. Обращеніе наставниковъ съ воспитанниками было не излишне строгое: болѣе родительское, семейное. Допускалась нѣкоторая свобода мнѣній и рѣчи. Однажды кто-то сказалъ, во время класса, что изъ всѣхъ Іезуитовъ любить онъ наиболѣе Грессета. Извѣстно, что этотъ Французскій поэтъ принадлежалъ Іезуитскому ордену и вышелъ изъ него. Шутка остряка была и принята шуткою. Меня товарищи также вызывали на подобныя выходки. „Вяземскій, отпусти bon mot“, говаривали мнѣ. Моихъ тогдашнихъ bons mots я, по совѣсти, не помню. Но упоминаю о томъ мимоходомъ: видно, и тогда уже промышлялъ я этою *устною литературою*, которую такъ любезно приписывалъ мнѣ графъ Орловъ-Давыдовъ, въ привѣтствіи своемъ на пятидесяти-лѣтнемъ моемъ юбилеѣ. Въ числѣ воспитанниковъ былъ я далеко не изъ лучшихъ; но, не знаю почему, былъ однимъ изъ числа любимѣйшихъ духовнымъ начальствомъ. Со всѣмъ тѣмъ могу сказать утвердительно и добросовѣстно,

что никогда не слыхалъ я ни слова, никогда не замѣчалъ малѣйшаго намека, которые могли бы указать, что меня или другихъ желали переманить на свою сторону. Никогда не было попытки внушить, что Римская церковь выше и душеспасительнѣе Православной. А умъ мой и тогда былъ уже настолько догадливъ, что онъ понялъ бы самые извилистые и хитрые подступы. Никакого различія не было въ обращеніи съ воспитанниками обоихъ исповѣданій. Паписты не пользовались предъ нами никакими *прерогативами* и льготами. Въ костель насъ не водили. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ бывали мы въ Русской церкви. Великимъ постомъ мы говѣли, какъ слѣдуетъ. Правда, въ теченіе года держались мы не Русскихъ постныхъ дней, то-есть не Середы и Пятницы, а Римскихъ. По Пятницамъ и Субботамъ угощали насъ католическимъ пощеніемъ: говядины не было за общею трапезою. Но эта желудочная пропаганда, кажется, не могла имѣть большаго вліянія на умы и религіозныя чувства наши. Такъ было въ мое время. Не отвѣчаю за то, что могло быть послѣ. Говорили позднѣе, что Іезуиты завербовали въ свою вѣру молодого воспитанника, князя Голицына, и къ тому же племянника князя Александра Николаевича, оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Если оно такъ, то нельзя не сознаться, что пресловутая Іезуитская хитрость и пронырливость на этотъ разъ ужасно опростоволосились. Выборъ ихъ былъ очень неудаченъ. Какъ бы то ни было, это совращеніе, дѣйствительное или мнимое, послужило отчасти паденію и изгнанію Іезуитскаго ордена изъ Россіи. Не тѣмъ будь онъ помянуть, пріятель нашъ Александръ Тургеневъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ орудій сего почти государственнаго переворота, *de se coup d'état à la Pombal*. Изгнаніе ихъ или похищеніе въ ночное время сопровождалось довольно крутыми и вовсе ненужными полицейскими мѣрами. Кроткое правленіе императора Александра I отступило въ этомъ случаѣ отъ *легальности*, а чѣмъ необходимѣе бываютъ мѣры строгости, тѣмъ болѣе при исполненіи оныхъ требуется бдительное и точное соблюденіе *легальности*, то-есть законности. Поспѣшность насилія, заносчивая страстность несомвѣстимы съ закономъ. Не смотря на дружбу свою къ Тургеневу, Карамзинъ не одобрялъ вообще ни этой мѣры, ни пріемовъ, съ которыми она совершилась. Консервативный Карамзинъ былъ въ этомъ случаѣ либеральнѣе пріятеля своего, либерала Тургенева. По выходѣ изъ пансіона былъ я въ перепискѣ съ патеромъ Чижемъ.

Этимъ заключается періодъ отрочества моего. Здѣсь расстаюсь и съ Іезуитами. Гораздо позднѣе встрѣчался я на Востокѣ съ нѣкоторыми личностями, принадлежавшими ордену. Всегда удивлялся я ихъ дѣятельности и самоотверженію. Разбросанные по-одиночкѣ, въ мѣстахъ пу-

стынныхъ, въ Арабскихъ бѣдныхъ селеніяхъ, преподаватели Евангелія и грамотности, бодро и плодотворно носили они свой крестъ и совершали трудный подвигъ. Римская церковь можетъ быть властолюбива, но этихъ отдѣльныхъ миссіонеровъ и апостоловъ христіанства обвинять въ властолюбіи нельзя. Они самоотверженные и безкорыстные послушники. Забавно же обвинять ихъ въ томъ, что преподають они Римское законоученіе, а не Православное. Между тѣмъ, найдутся люди, которые ставятъ имъ и это въ преступленіе, и за это ненавидятъ ихъ. Не забываютъ ли они въ пылу православія своего, что Евангеліе писано для всѣхъ народовъ, для всѣхъ христіанъ, а не въ пользу того или другого вѣроисповѣданія и прихода.

V.

Изъ учебнаго паломничества возвратился я въ Москву, въ родительскій домъ—еще отрокомъ по возрасту, но почти уже молодымъ человѣкомъ по выправкѣ и развитію. Должно прибавить, что изъ Іезуитскаго пансіона перешель я, не на долгое время, въ пансіонъ, учрежденный въ Петербургѣ при новообразованномъ Педагогическомъ Институтѣ. Это, кажется, было созданіе Ник. Ник. Новосильцова. Директоромъ заведенія былъ Энгельбахъ. Тамъ встрѣтился я съ нѣкоторыми товарищами, также перебѣжчиками изъ подъ Іезуитскаго крова. Не хочу и не могу сказать ничего худаго о моемъ тамъ пребываніи, но не могу сказать и ничего особенно хорошаго. Учебный и умственный уровень заведенія былъ вообще ниже Іезуитскаго, какъ по преподавателямъ, такъ и въ отношеніи къ ученикамъ. Помню только одного учителя Французскаго языка, Брошье. Онъ умѣлъ, какъ Французъ, придавать урокамъ своимъ оживленіе и разнообразіе: онъ былъ съ нами разговорчивъ. Для одного изъ такихъ уроковъ перевелъ я статью Карамзина подъ именемъ *Дережня*. Въ одномъ мѣстѣ говоритъ онъ, что предпочитаетъ картины природы картинамъ великихъ живописцевъ. „Если такъ,—сказалъ мнѣ Брошье,—и если у родственника вашего есть такія картины, то попросите его мнѣ ихъ отдать: я ихъ предпочитаю природѣ“. Въ 1806 г. Карамзинъ прислалъ мнѣ изъ Москвы, уже какъ питомцу Музъ, стихотвореніе свое: *Письмъ воиновъ*. Эта присылка меня очень возвысила въ глазахъ моихъ товарищей. „Ces vers sont-ils bien gonflants?“ спросилъ меня Брошье. Тутъ высказался и Французъ, и литераторъ, и щекотливый Французъ-патріотъ. Гораздо поздиѣ этотъ Брошье былъ хорошо извѣстенъ Петербургу, особенно посѣщавшимъ графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова, у котораго онъ былъ близкимъ и домашнимъ человѣкомъ: вѣроятно также по пансіонскимъ преданіямъ учебнаго заведенія аббата Николая.

Въ новой моей ученической средѣ я также не по чину и не по возрасту вращался съ поколѣніемъ меня опередившимъ. Не знаю, какъ это случилось, но я познакомился и сблизился съ нѣкоторыми изъ педагогическихъ студентовъ. Мы жили съ ними на одномъ дворѣ, но совершенно отдѣльно. Въ памяти моей сохранился одинъ изъ нихъ, по имени *Бобриковъ*, или что-то на это похожее. Помнится мнѣ, принадлежалъ онъ, хотя и съ побочной стороны, семейству графа Бобринскаго. Онъ познакомилъ меня съ стихотвореніями Французскаго поэта, Парни, котораго элегіи впоследствии были такъ вѣрно и такъ нѣжно переданы Батюшковымъ на Русскомъ языкѣ. Помню, что по этому поводу прозвалъ я бѣднаго Батюшкова, въ шуточномъ посланіи:

Пѣвецъ чужихъ Элеоноръ.

Домой возвратился я благополучно. Хотя со времени отсутствія моего отецъ не очень имѣлъ поводъ утѣшать себя вѣстями объ успѣхахъ моихъ по наукамъ и о моемъ поведеніи, принять былъ я имъ ласково, и вообще семействомъ нѣжно и радостно. Упомянулъ я о поведеніи своемъ: благодаря Бога, ничего особенно порочнаго не было, но были шалости и предосудительныя уклоненія. Въ пребываніе мое въ второмъ пансіонѣ, пользовался я большою и чрезмѣрною свободою въ вакантные дни: ходилъ я одинъ въ театръ, въ маскарады. По преданію, а не по памяти знаю, что однажды въ театрѣ я очень шумѣлъ и бурлилъ,—изъ чего и для чего, сказать не умѣю. Но пріятельница отца моего Екат. Влад. Апраксина подмѣтила это изъ ложи своей и донесла отцу. Можетъ-быть, вслѣдствіе этого, и вызвали меня обратно въ Москву.

Какъ извѣстно, родительскій домъ былъ однимъ изъ гостепріимнѣйшихъ. Гости его принадлежали болѣе или менѣе къ рязяду людей образованныхъ и *разговорчивыхъ*, въ смыслѣ и значеніи разговора дѣльнаго, просвѣщеннаго и пріятнаго. Подобные дома вывелись или выводятся не только у насъ, но вообще и во всей Европѣ. Жаль: такіе дома были практическою и дополнительною школою для молодежи. Въ этой атмосферѣ было много образовательной жизни и силы, много было и литературнаго. Худо вѣрую въ литературу, которая рождается и сосредоточивается въ самой себѣ,—въ большихъ житейскихъ теченіяхъ. Чтò ни говори о такъ-называемыхъ *салонахъ*, но они бывають нерѣдко произрастительными и плодотворными почвами. Блестящая и многознаменательная Французская литература послѣдней половины 18-го столѣтія разцвѣла и созрѣла на этой почвѣ. Какъ бы то ни было, въ подобной умственной средѣ понятія и наклонности мои еще болѣе развились. Въ домѣ отцовскомъ женскій элементъ господствовалъ наравнѣ съ мужскимъ. Тутъ, въ сферѣ умственнаго

соревнованія, проглядывало между двумя полами истинное *равноправіе*, которое женщины ищутъ нынѣ въ химическихъ лабораторіяхъ, въ фельдшерскихъ и анатомическихъ театрахъ.

Разумѣется, женскій элементъ, который нашелъ я въ домѣ нашемъ, не праздно отозвался во мнѣ и въ молодомъ и впечатлительномъ сердцѣ моемъ. Впрочемъ, по домашнимъ преданіямъ, рано началъ я быть сердечкинымъ: именно *сердечкинымъ*—въ смыслѣ болѣе платонической, нежели матеріальной любви. Такъ вообще было со мною и послѣ, и всегда. Но вотъ дѣтская легенда моя. Когда ѣхали мы въ Нижній Новгородъ, куда отецъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ, не задолго до кончины Императрицы, мы на дорогѣ гдѣ-то и у кого-то остановились переночевать. Въ домѣ была дочка, которая, такъ гласитъ преданіе,—очень мнѣ понравилась и за которую я весь вечеръ ухаживалъ. Было мнѣ тогда года четыре. На другой день, когда семейство наше собралось въ дальнѣйшій путь, ищутъ меня, а меня нѣтъ. Наконецъ отыскиваютъ гдѣ-то подъ диваномъ, куда залѣзъ и запрятался я, чтобы не разставаться съ маленькимъ моимъ кумирчикомъ. Не ясно помню этотъ романическій эпизодъ, но домашніе удостовѣрили въ правдивости его. Кстати скажешь: *se non è vero, è ben trovato*. По системѣ вѣроятностей и правдоподобій, и судя а *posteriori*, готовъ я согласиться, что оно такъ и было. Послѣ такихъ раннихъ и съ продолженіями впередъ романическихъ приключеній на дѣлѣ, какъ не пришло мнѣ никогда въ голову написать вымышленный романъ? Подите, объясните! Впрочемъ, я очень взыскателенъ и не легко удовлетворяемъ по части романовъ. На всемъ вѣку своемъ едва ли шесть прочиталъ я съ полнымъ удовольствіемъ и никогда не признавалъ въ себѣ силъ и достаточнаго дарованія, чтобы пополнить это число седьмымъ. Удачно и вполне удовлетворительно, то есть упоительно, написанный романъ, есть, по мнѣ, самое увлекательное и потрясающее чтеніе. Это почти событіе въ жизни. Съ подобнымъ романомъ сживаешься, не только во время чтенія, но живешь имъ долго и послѣ чтенія. Романы второстепенные, второй руки, плоды одной дѣятельной и *рутинной* посредственности, эти плоды могутъ быть болѣе или менѣе лакомы, судя по вкусамъ, но съ дерева не срываю ихъ и за столомъ до нихъ не дотрогиваюсь.

Со вступленіемъ Карамзина въ семейство наше Русскій литературный оттѣнокъ смѣшался въ домѣ нашемъ съ Французскимъ колоритомъ, который до него преодолѣвалъ. По возвращеніи изъ пансіона, нашелъ я у насъ Дмитріева, Василя Львовича Пушкина, юношу Жуковскаго и другихъ писателей. Пушкинъ, еще до отъѣзда своего, уже отдавшій перомъ Дмитріева отчетъ въ путевыхъ впечатлѣніяхъ

своихъ, только что возвратился тогда изъ Парижа. Парижемъ отъ него такъ и вѣяло. Одѣтъ онъ былъ съ Парижской иглочки съ головы до ногъ. Прическа à la Titus, углаженная, умащенная древнимъ масломъ, huile antique. Въ простодушномъ самохвальствѣ давалъ онъ дамамъ обнюхивать голову свою. Не умѣю опредѣлить: смотрѣлъ ли я на него съ благоговѣніемъ и завистью, или съ отгѣнкомъ насмѣшливости. Вѣроятно, было и то и другое. Но могъ ли я думать тогда, что, спустя нѣсколько годовъ, будемъ мы на ты и въ самой короткой дружеской связи? Дмитріевъ говаривалъ о немъ, что онъ кончитъ тѣмъ, что будетъ друженъ съ одними грудными младенцами, потому что чѣмъ болѣе старѣеть, тѣмъ все болѣе сближается съ новѣйшими поколѣніями. Грѣшно было бы мнѣ поминать его слегка, а паче того насмѣшливо. Онъ былъ пріятный, вовсе недюжинный стихотворецъ. Добръ онъ былъ до безконечности, до смѣшнаго; но этотъ смѣхъ ему не въ укоръ. Дмитріевъ вѣрно изобразилъ его въ шутовомъ стихотвореніи своемъ, говоря за него: *я право добръ, готовъ сердечно обнять весь свѣтъ* *). Меня любилъ онъ съ особенною нѣжностію, могу сказать, съ балующею слабостію. Зять его, Соляцевъ, говорилъ, что сердечныя привязанности его дѣлятся на три степени: первая—сестра его Анна Львовна, вторая—Вяземскій, третья—однобортный фракъ, который выкроилъ онъ изъ стараго сюртука, по новомодному покрою фрака, привезеннаго въ Москву Павломъ Ржевскимъ.

Не знаю, почему въ этотъ списокъ просится одинъ Машковъ, маленькій, горбатый. Казалось мнѣ, что отецъ очень охотно разговаривалъ съ нимъ; но въ моихъ глазахъ, вѣроятно, горбъ его былъ главнымъ attraction. Впрочемъ, помнится мнѣ, что онъ былъ дядя поэта Майкова. Однако можетъ-быть и ошибаюсь.

Въ ряду литературной молодежи, былъ тутъ и новичекъ, котораго отличили отецъ мой и Карамзинъ. Онъ даже запросто обѣдывалъ у насъ (Въ то время это было исключеніе. Въ старину обѣдывали семейно, а ужинали въ гостиныхъ съ гостями. Ужинъ былъ завершеніе, увѣнчаніе заботливаго дня; послѣужинный разговоръ былъ свободнѣе и могъ быть продолжительнѣе разговора послѣобѣденнаго. Теперь съѣзжаются за пять минутъ до обѣда и обыкновенно разъѣзжаются послѣ кофе. Выгоды и прелести общежитія и разговорчивости отъ этого страдаютъ). Имени новичка нашего въ точности не помню, чуть не Бошнякъ-ли? Можетъ быть, потомокъ Саратовскаго коменданта, съ которымъ возился и боролся Державинъ во время Пугачевщины. Какъ бы то ни было, онъ занимался естественными науками, въ особенности

*) Таковъ смыслъ; самыхъ стиховъ въ точности не припомню.

монографією паука. Вѣроятно въ нынѣшнее время, занимался бы онъ и потрошеніемъ лягушекъ. Закончу смотръ и переключку свою замѣткою довольно забавною, замѣткою совершенно семейною и домашнею. Сестра моя, впоследствии жена князя Алексѣя Григорьевича Щербатова (Жуковский посвятилъ памяти ея нѣсколько трогательныхъ стиховъ въ *Пѣцль въ станъ Русскихъ воиновъ*), сестра моя, старшая меня тремя годами, и я были вовсе недовольны водвореніемъ Карамзина въ наше семейство. Въ насъ таилась глухая оппозиція противъ этого брака: дѣтскія сочувствія наши были на сторонѣ армейскаго маіора, помнится, Струкова, который былъ несчастнымъ соперникомъ Карамзина. Онъ былъ къ намъ внимателенъ и ласковъ; вѣроятно онъ заискивалъ нашъ союзъ цѣною субсидій, гостинцами и конфектами. Карамзинъ не обращалъ вниманія на союзниковъ. Забавно, что когда бракъ былъ уже рѣшенъ, мы съ сестрою изливали грусть свою стихами самого Карамзина. Вечеромъ ходили мы по длинному коридору и вполголоса, съ сжатымъ сердцемъ и слезами на глазахъ, отъ лица Струкова, мурлыкали:

Кто могъ любить такъ страстно,
 Какъ я любилъ тебя?
 Но я вздыхалъ напрасно,
 Томилъ, крушилъ себя.
 Увы! насильно милымъ
 Не будешь никому...

Такимъ образомъ вооружились мы противъ Карамзина собственнымъ его оружіемъ. Но у насъ, дѣтей, велись съ нимъ и другіе счеты, и по другой причинѣ грызлись у насъ зубы на него: именно зубы. Въ тѣ рѣдкіе вечера, когда салоны наши не переполнялись посѣтителями, а было два-три человекъ, иногда и никого, отецъ оставлялъ насъ, дѣтей, ужинать съ собою, обыкновенно въ одиннадцатомъ часу. Понятно, что эти дни дорого цѣнились нами. Не знаю, по какому случаю и по какимъ соображеніямъ, Карамзинъ бывалъ гостемъ нашимъ именно въ эти исключительные дни. Отецъ былъ великій устный слѣдователь по вопросамъ метафизическимъ; сказывали мнѣ, бывалъ онъ иногда и очень парадоксальный, но и блестящій спорщикъ. Бесѣды и пренія его съ Карамзинымъ длились безъ конца. Въ ожиданіи вожделѣннаго ужина мы дремали въ сосѣдней комнатѣ, а ужинъ былъ все отлагаемъ поздиѣе и поздиѣе. Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ говаривалъ, что когда отецъ мой, въ жару спора, нанижетъ себѣ на пальцы нѣсколько соленыхъ крендельковъ, которые подавались закускою при водкѣ, то бѣда: ужинъ непременно успѣетъ остыть. Онъ же говорилъ: къ Вяземскому на ужинъ никогда не опоздаешь; поварь его только въ

полночь ходить закупать провизію. Эти домашніе запоздалые ужины худо располагали насъ къ Карамзину. Мы дѣтскимъ чутьемъ угадывали, что отецъ не разговаривался бы такъ долго съ маіоромъ Струковымъ. По этому гувернеръ мой, Французъ *Дандилли*, прозвалъ Карамзина: *monsieur minuit et demi*; долго въ дѣтской нашей ходилъ онъ подъ этимъ прозвищемъ. Впрочемъ, кажется, онъ нѣсколько задобрилъ меня, подаривъ первые часы, которыми пришлось мнѣ щеголять. Для молодаго человѣка всего нужнѣе умѣть узнать время,—сказалъ онъ, вручая мнѣ свой подарокъ.

VI.

Съ водвореніемъ Карамзина въ наше семейство, письменныя наклонности мои долго не пользовались поощреніемъ его. Я былъ между двухъ огней: отецъ хотѣлъ видѣть во мнѣ математика; Карамзинъ боялся увидѣть во мнѣ плохаго стихотворца. Онъ часто пугалъ меня этою участью. Берегись, говаривалъ онъ: нѣтъ никого жалче и смѣшнѣе худаго писачки и риѣмоплета. Первые опыты мои таплъ я отъ него, какъ и другіе проказы грѣшной юности моей. Уже позднѣе, и именно въ 1816 году, примирился онъ съ метроманіею моею. Александръ Тургеневъ давалъ въ Петербургѣ вечеръ въ честь его. Всѣ Арзамасцы были на лицо: были литераторы и другаго лагеря. Хозяинъ вызвалъ меня прочесть кое-что изъ моихъ стихотвореній. Выслушавъ ихъ, Карамзинъ сказалъ мнѣ: „Теперь уже не буду отклонять васъ отъ стихотворства. Пишите съ Богомъ“. На этомъ вечерѣ познакомился я съ Крыловымъ. Онъ также былъ одинъ изъ благопривѣтливыхъ слушателей и просилъ меня повторить чтеніе одного изъ стихотвореній, которое наиболѣе понравилось ему. Эти два знака отличія, полученные мною на полѣ битвы, порадовали меня и польстили самолюбію моему. Они же порѣшили и, такъ сказать, узаконили участь мою. О, радость! о, радость! о, восторгъ! и я, и я пѣить!—могъ сказать я съ простодушнымъ Василіемъ Львовичемъ. Жребій брошенъ. Съ того дня призналъ я и себя сочинителемъ. И пошла писать! то есть: пиши пропало! скажетъ одинъ изъ моихъ строгихъ критиковъ. Можетъ быть, оно и такъ; но есть еще другая поговорка: чтѣ напишешь перомъ, не вырубишь и топоромъ. И вотъ почему, въ добрый или худой часъ,—все едино, появлюсь я на печатной скамьѣ подсудимаго предъ судилищемъ почтеннѣйшей публики.

VII.

Жуковскій, мой благосклонный, но, когда нужно, и строгій судья, сказалъ, что могу присвоить себѣ стихъ Буало:

Et mon vers, bien ou mal, dit toujours quelque chose.

Кажется, можно приблизительно перевести на Русскій языкъ сей стихъ слѣдующимъ образомъ:

И стихъ мой, такъ или сякъ, а что-нибудь да скажетъ.

Нечего и говорить, что ни Жуковскій не величалъ меня, ни я себя не величаю знаменитымъ Французскимъ сатирикомъ. Но я думаю, что опредѣленіе Жуковского довольно вѣрно. Оно мнѣ въ похвалу и въ укоръ. Заявляю здѣсь сказанное мною однажды навсегда. Нынѣ сужу себя и говорю о себѣ, какъ о постороннемъ. И въ самомъ дѣлѣ, не въ сторонѣ ли я отъ самого себя послѣ всего такъ долго пережитаго мною? Было кѣмъ-то сказано, что человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ долженъ быть самъ врачомъ своимъ, то-есть знать сложеніе свое, темпераментъ свой, знать, въ гигиеническомъ отношеніи, что можетъ быть ему полезно, что вредно. Тоже можно примѣнить и къ нравственному распознаванію себя. Въ нѣкоторомъ возрастѣ человѣкъ лучшій свой судія, если, впрочемъ, не одержимъ онъ неизлѣчимою болѣзною самообольщенія. Человѣкъ уже на покой, или на послѣднемъ поворотѣ жизни, долженъ и можетъ смотрѣть безъ лицепріятія на дѣла своихъ давно *минувшихъ лѣтъ*. Эти дѣла для него уже *преданья старины глубокой*. Онъ вслушивается въ нихъ, а пересочинить ихъ не можетъ.

Возвратимся къ сказанному Жуковскимъ. Весь вопросъ здѣсь заключается въ томъ, чего болѣе: *du bien ou du mal*, болѣе ли сказано *такъ* или болѣе *сякъ*. Но я плохой математикъ: итоговъ выводить не буду. Предоставляю этотъ трудъ журнальнымъ бухгалтерамъ. Самъ же скажу, что должно быть довольно того и другаго. Въ стихахъ и въ прозѣ у меня много неровностей—и нельзя имъ не быть: я никогда не писалъ прилежно, постоянно; никогда не изучалъ я систематически языка нашего. Какъ пѣвцы-самоучки, писалъ я болѣе по слуху. Писалъ я болѣе урывками, подъ вдохновеніемъ или подъ осязаніемъ мысли и чувства. Писалъ я, когда что-нибудь внутреннее или внѣшнее за-живо задирало меня, когда мнѣ именно хотѣлось *сказать* или *высказать* что-нибудь, такъ или сякъ, опять все равно. Натура моя довольно живучая и произрастительная, но не трудолюбивая; напротивъ, трудъ пугаетъ ее; она сжимается подъ давленіемъ его. А что ни говори, трудъ есть родникъ, двигатель всякаго положительнаго успѣха и возможнаго усовершенствованія. Безъ терпѣнія труда быть не можетъ. Бюффонъ сказалъ и доказалъ, что терпѣніе есть одно изъ главныхъ свойствъ гения. Если такъ, то какъ далеко я, Боже мой, отъ гениальности! У меня литература была всегда животрепещущею склонностью, болѣе зазывомъ, нежели призваніемъ. Если и было это призваніе, то охотно сознаюсь, что я не выдержалъ, не вполне оправдалъ его. Никогда, или такъ рѣдко, что не стоить упоминать того, не велъ я жизни литера-

турной, какъ вели ея, напимѣрь, Жуковскій, Пушкинъ. О Карамзинѣ уже не говорю: онъ былъ воплощенный трудъ, воплощенное терпѣніе. Я болѣе предавался теченію жизни: сперва молодости, съ увлеченіями ея, позднѣе болѣе или менѣе сухимъ обязанностямъ службы, личнымъ заботамъ, горькимъ испытаніямъ жизни, частымъ и вынужденнымъ странничествамъ. Къ тому же, нечего таить; какая-то врожденная безпечность, просто лѣнь, никогда не допускали пера быть постоянною принадлежностью руки моей. А перо взыскательно: оно требуетъ прилежнаго ухода за собою; безъ этого оно непослушно и ртачливо. При этомъ пріятели мои еще дивились, что могъ я столько написать при своей развлеченной жизни, могли бы они сказать и отвлеченной: много изъ жизни моей пошло и на внутреннія, созерцательныя и мечтательныя думы. Много прожилъ я жизнью одинокою, жизнью про себя. Знаю, языкъ мой не всегда правиленъ; не довольно внимательно и строго покоряюсь законамъ его. Увлекаюсь не желаніемъ, а скорѣе безсознательною потребностью сказать иначе, чѣмъ сказали бы другіе. Это можетъ быть достоинствомъ, но можетъ быть и погрѣшностью, быть силою, но и немощью. Александръ Тургеневъ, въ одномъ письмѣ своемъ изъ напечатанныхъ по смерти его, очень невыгодно и съ какою-то досадою отзывается объ этомъ наѣздничествѣ пера моего. Въ укоризнѣ его есть доля правды; но Тургеневъ въ литературѣ принадлежалъ *Пуританской* школѣ, которой между нами главнымъ представителемъ былъ Блудовъ. Сознаюсь, я отъ нѣкоторыхъ неологизмовъ въ словахъ и въ слогѣ не прочь. Разнообразіе и разнозвучіе, въ мѣру и съ чутьемъ, нужны и цѣну свою имѣютъ. Также и Карамзинъ, въ письмѣ къ Дмитріеву, говоритъ, что должно выдрать бы мнѣ уши за переводъ мой рѣчи, произнесенной императоромъ Александромъ на Варшавскомъ сеймѣ; разумѣется, обвиненіе падаетъ на неправильность языка. Здѣсь есть нѣкоторый поводъ къ оправданію. Не вся рѣчь переведена мною. Новосильцовъ, около полночи, прислалъ въ канцелярію Французскій подлинникъ для немедленнаго перевода его на Русскій языкъ. Многія слова политическаго значенія, выраженія чисто-конституціонныя были нововведеніями въ Русскомъ изложеніи. Надобно было надъ нѣкоторыми призадумываться. Для скорости, мы разобрали рѣчь по клочкамъ и раздѣлили ихъ между собою, чиновниками канцеляріи. Каждый переводилъ, какъ умѣлъ, Но я остался какъ-то официальнымъ и отвѣтственнымъ переводчикомъ рѣчи. Государь былъ переводомъ доволенъ; помню, что на обѣдѣ у князя Заіончека Государь милостиво благодарилъ меня за переводъ. Кстати скажу, что и послѣ былъ я въ канцеляріи Новосильцова главнымъ дѣйствующимъ лицомъ по редакціонной Русской части. Были труды гораздо важнѣе перевода сеймо-

вой рѣчи. Въ канцеляріи былъ у насъ юристъ и публицистъ, Французъ Deschamps. Ему Новосильцовъ передавалъ соображенія и мысли свои: Французъ, набившій руку себѣ во Франціи въ изготовленіи и редакціи подобныхъ проектовъ, писалъ ихъ, такъ сказать, прямо набѣло. Переливка этихъ работъ въ Русскія формы наложена была на меня. Въ одинъ изъ прїѣздовъ моихъ въ Петербургъ изъ Варшавы, Императоръ удостоилъ меня особенною послѣобѣденною аудіенціею въ Каменно-островскомъ дворцѣ. Съ полчаса, если не болѣе, изволилъ говорить онъ о трудахъ нашихъ по канцеляріи Новосильцова, о воззрѣніяхъ своихъ на Польшу и на другія политическія событія и соображенія.

Тутъ косвенно были, или по крайней мѣрѣ такъ казалось мнѣ, маленькіе, не буквально выраженные, но понятные намеки на противоположныя мысли Карамзина. Наприм., Государемъ было сказано: *Quelques uns pensent, que les désordres dont nous sommes parfois témoins, sont inhérents aux idées libérales, tandis qu'ils ne sont que des abus de ces idées et de ces principes*“. Государь говорилъ также о предположеніяхъ своихъ въ отношеніи къ будущему государственному устройству Россіи. Говорилъ онъ все время по французски; рѣчь его была стройна, плавна и отличалась изящностью и ясностью; день, ознаменованный этимъ разговоромъ, остается историческимъ днемъ въ жизни моей. Переводъ словъ: *constitution* и *libéral*—словами: *государственное уложение* и *законносвободный*, принадлежитъ самому Государю. При концѣ аудіенціи могъ я, между прочимъ, убѣдиться въ умѣнни Государя, (или, лучше сказать, въ прирожденной ему способности) часто мало-значущимъ словомъ польстить человѣку и порадовать его лично и привѣтливою внимательностью.

Я прїѣхалъ изъ Варшавы чрезъ Ригу. Песчаная, утомительная, продолжительная ѣзда отъ Митавы вывела меня изъ терпѣнія. Я былъ золъ на себя и на дорогу, которую выбралъ. Въ Ригѣ хотѣли обратить вниманіе мое на картину города, Двины, моста, сплошь, какъ перилами, окаймленнаго коммерческими судами. Но я ничего ни слышать, ни видѣть не хотѣлъ: въ отмщеніе Митавскимъ пескамъ, я крѣпко зажмурилъ глаза, такъ и проѣхалъ. Видно, Карамзинъ рассказалъ Государю эту выходку эксцентрическую. Отпуская меня, Императоръ, съ своею ласковою и выразительною улыбкою, спросилъ меня: а что, вы и теперь поѣдете въ Ригу?

Забылъ я сказать, что Новосильцовъ имѣлъ намѣреніе отправить меня прямо къ Государю съ изготовленною работою нашею, для объясненій по редакціи, если Государь потребовалъ бы ихъ. Но канцелярскія интриги этому помѣшали. Уже позднѣе, и то совершенно случайно, довелось мнѣ имѣть вышеупомянутую бесѣду, для меня достопамятную.

Но нѣтъ медали, у которой не было бы своей оборотной стороны. Гдѣ-нибудь и когда-нибудь, если Богъ дастъ, расскажу, какъ благовольтельное обращеніе Государя со мною, ни по лѣтамъ мопмъ, ни по оффиціальному служебному положенію моему, не имѣвшимъ на то права, обратилось позднѣе въ неудовольствіе на меня.

Впрочемъ, скажу заранѣе, что тутъ было много моей вины, то есть недосмотрительности, неосторожности, а еще болѣе виноваты были въ томъ постороннія вліянія и неблагопріятныя обстоятельства. Государь не могъ поступить иначе: онъ долженъ былъ вызвать меня изъ Варшавы; но въ тоже время велѣлъ онъ сказать мнѣ чрезъ Карамзина, что всякая другая служба остается для меня вполне открытою.

VIII.

Вышесказанное мною вообще относится до пребыванія моего въ Варшавѣ и до нѣкоторыхъ обстоятельствъ, вытекающихъ изъ этого пребыванія. Хочется мнѣ нѣсколько остановиться на этомъ и опредѣлить Варшавскій періодъ жизни моей, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ довольно важное вліяніе и на многіе послѣдовавшіе за нимъ годы. Къ тому же, не былъ онъ чуждъ и литературной дѣятельности моей. По распущеніи Московскаго ополченія, оставался я въ Москвѣ въ службѣ, не въ службѣ, въ отставкѣ, не отставкѣ, а причисленнымъ по прежнему къ Межевой Канцеляріи, или, вѣрнѣе сказать, не отчисленнымъ отъ нея. Начальникъ сей канцеляріи, сенаторъ Обрѣзковъ, при которомъ я служилъ, умеръ въ 1814 году. Время было не до канцелярскихъ строгихъ порядковъ и взысканій; но я не думалъ выяснитъ свое служебное положеніе: ни служба, ни начальство не заботились обо мнѣ. Наступилъ 1817 годъ. Пріѣхалъ въ Москву генералъ Мих. Мих. Бороздинъ, въ свое время блестящій воинъ на поляхъ сраженій и равно блестящее лице въ салонахъ обѣихъ столицъ. Въ дѣтствѣ моемъ заглядывался я на него и любовался красивою и мужественною наружностью и отличающейся отъ другихъ изящною и щегольскою осанкою. Онъ былъ одинъ изъ ближайшихъ пріятелей отца моего, который шути прозвалъ его Неаполитанскимъ королемъ, по поводу предводительства его Русскими войсками въ Неаполь въ царствованіе императора Павла. Замѣтимъ уже кстати и мимоходомъ, что отецъ прозвалъ вмѣстѣ съ нимъ Польскимъ королемъ и извѣстнаго въ царствованіе Екатерины II Кюрасова, который очень дорожилъ орденомъ Польскаго Бѣлаго Орла и никогда не снималъ его съ себя. Отецъ мой говаривалъ, что ему очень пріятно и лестно играть у себя дома въ бостонъ съ двумя величествами. По пріѣздѣ въ Москву Бороздинъ отыскалъ меня и очень обласкалъ, какъ сына пріятели своего. Онъ дружески укорялъ меня въ

тунеядствѣ моемъ и говорилъ, что въ молодыхъ лѣтахъ сыну Андрея Ивановича стыдно бить баклуши и быть какимъ-то Митрофанушкою, недорослемъ въ обществѣ. Къ тому же времени пріѣхалъ изъ Варшавы и Новосильцовъ, вызванный Государемъ, который тогда со всѣмъ дворомъ имѣлъ пребываніе въ Москвѣ. Бороздинъ былъ пріятелемъ и Новосильцова. Вѣроятно, говорилъ онъ ему обо мнѣ; однажды пригласилъ онъ меня обѣдать съ Новосильцовымъ, представилъ и, такъ сказать безъ особенныхъ предварительныхъ объясненій со мною, передавалъ меня ему на руки.

Новосильцовъ благосклонно принялъ меня: участь моя была рѣшена, если не противъ воли моей, то такъ-сказать почти мимо воли моей, но однакоже не безъ признательности къ участию, принятому во мнѣ старымъ пріятелемъ отца. При разставаніи моемъ съ Москвою и беззаботною жизнію моею написалъ я стихотвореніе: „Прощаніе съ халатомъ“, которое было тогда же напечатано въ журналѣ *Сынъ Отечества* и имѣло нѣкоторый успѣхъ. До Варшавы зналъ я почти одну Москву, въ Петербургъ наѣзжалъ я только на короткое время, за границу же не бывалъ. Варшава, тогда блестящая, не только *мирная*, но и празднующая перерожденіе свое, повѣяла на меня незнакомымъ, новымъ воздухомъ. Я скоро и легко акклиматизировался, да иначе и быть не могло. Починъ мой въ Варшавѣ былъ самый благопріятный. Въ Новосильцовѣ нашелъ я начальника, котораго лучше и придумать нельзя, начальника, чуждаго всякаго начальствованія. Съ первыхъ дней пріѣзда моего, я сдѣлался домашнимъ; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, до дня отъѣзда моего, эти отношенія ни на одинъ день, ни на одну минуту не измѣнялись. Даже и послѣ, когда увѣдомлялъ онъ меня, по высочайшему повелѣнію, что не долженъ и не могу я возвращаться въ Варшаву, оффиціальное письмо его запечатлѣно было чувствомъ благорасположенія его ко мнѣ. Государь, въ тоже самое время пріѣхавшій изъ Москвы для открытія перваго Польскаго сейма, былъ ко мнѣ отъѣнно внимателенъ и милостивъ. Онъ даже изволилъ удостоить жену и меня своимъ августѣйшимъ посѣщеніемъ. Правда, сказали мнѣ тогда, что царское посѣщеніе относится вообще къ хозяйкѣ дома, а не къ хозяину, который, какъ отцы при крестинахъ дѣтей своихъ, долженъ блистать отсутствіемъ своимъ; но бессознательное нарушеніе мое придворнаго этикета и приличія сошло благополучно. Государь былъ очень веселъ и разговорчивъ. Между прочимъ изволилъ онъ спросить меня: прочелъ ли я Исторію Карамзина, которая только что вышла въ печати; на мой отвѣтъ, что не успѣлъ я прочесть, Государь, съ видомъ какого-то самодовольства, сказалъ мнѣ: „А я прочелъ ее съ начала до конца“. Еще до Варшавы Государь

явилъ намъ знакъ благоволенія своего. Дорогою гдѣ-то въ Царствѣ Польскомъ, обогналъ онъ насъ, узналъ, велѣлъ коляскѣ своей остановиться и вышелъ изъ нея, на встрѣчу къ намъ, также вышедшимъ изъ кареты. Государь былъ бодръ, свѣжъ, тщательно и красиво убранъ и одѣтъ, какъ будто бы выходилъ изъ уборной комнаты своей въ Зимнемъ дворцѣ. Я ѣхалъ больной, чуть ли не въ халатѣ, невытый, небритый, неряшливый. Дорогою, передъ тѣмъ, пролежалъ я, больной простудою и колотьемъ въ боку и въ груди, въ какомъ-то мѣстечкѣ; въ немъ не было никакихъ пособій и помощи: ни доктора, ни хорошей воды, ни блага хлѣба, ни уксуса. Какъ-то уже дня три или четыре спустя, Гродненскій губернаторъ, узнавъ о болѣзни моей, прислалъ намъ бѣлый хлѣбъ, лимоны и другіе припасы и снадобья. На другой день пріѣзда нашего въ Варшаву Государь изволилъ прислать намъ фельегера освѣдомиться о здоровьи моемъ. Онъ же увѣдомилъ и Новосильцова, что новый чиновникъ его ѣдетъ къ нему больной. Для людей, опасующихся начинать и предпринимать что-нибудь въ Понедѣльникъ, замѣчу, что мой примѣръ можетъ подкрѣпить ихъ суевѣрье. Въ Москвѣ все было уже готово къ нашему отъѣзду въ Варшаву; но теща моя, П. Ю. Кологривова, давала балъ въ Воскресенье, въ честь Государя и Царской фамилии. Неловко было уѣхать до бала. А между тѣмъ скорый отъѣздъ свиты его угрожалъ намъ препятствіями, частыми и долгими остановками по почтовому тракту. Я самъ питаю нѣкоторое почтительное отвращеніе въ отношеніи къ Понедѣльнику. Такимъ образомъ дѣтей нашихъ отправилъ я впередъ въ Воскресенье, чтобы застраховать ихъ отъ худаго наитія понедѣльничнаго глаза, а самъ предалъ себя на волю Божію и рѣшилъ, что мы выѣдемъ тотчасъ послѣ бала, то-есть на разсвѣтъ Понедѣльника. Такъ и было. Этотъ крутой переворотъ изъ бальныхъ платьевъ въ дорожныя, изъ блеска многлюднаго праздника въ дорожную повозку внушилъ мнѣ тутъ же стихотвореніе, *Ухабъ*, которое, помнится, напечатано въ *Сынъ Отечества*. Начинается оно такъ:

Надъ ѣмъ судьбина не шутила,
 И кто проказъ ея не рабъ?
 Слѣпая приговоръ скрѣпила,
 И съ бала я попалъ въ ухабъ.
 Въ ухабѣ, сидя какъ въ берлогѣ,
 Я на досугъ разсуждалъ
 И въ жизни, какъ и на дорогѣ,
 Ухабовъ много насчиталъ.

Далѣе не помню.

Но возвратимся къ зловѣщему Понедѣльнику. Не только крѣпко захворалъ я дорогою, но въ Несвижѣ, гдѣ ночевали мы, насъ совер-

шенно обокрали: платья, нѣсколько тысячъ рублей, лежавшихъ въ мѣшкѣ, и разные другіе предметы дорожные или хозяйственные, которые везли мы въ Варшаву, все было до чиста прибрано и похищено. Чтобы имѣть возможность ѣхать далѣе, жена должна была заложить, для вырученія нѣкоторой суммы, разныя свои кольца, серьги и цѣнныя вещи. По счастью, догналъ насъ И. С. Тимирязевъ, тогда адъютантъ великаго князя Константина Павловича и, сжался надъ бѣдствіемъ нашимъ, ссудилъ насъ двумя тысячами рублей. *Avis au lecteur!* Вотъ что значитъ пускаться въ путь въ Понедѣльникъ.

Пріѣздъ Государя въ Варшаву еще болѣе оживилъ ее. Поляки впечатлительны: на нихъ сильно и горячо отражаются и радость и горе. Свита Императора была многолюдна и блистательна: князь Волконскій, графъ Уваровъ, Милорадовичъ, Остерманъ, князь Меншиковъ, генераль Потемкинъ (любимецъ Семеновскаго полка и гвардіи), графъ Чернышовъ и многія другія, болѣе или менѣе извѣстныя военныя лица; по части гражданской графъ Каподистріа съ двумя своими правыми руками (графомъ Матушевичемъ и Сѣверинимъ), государственный секретарь Марченко съ Арзамасцемъ Жихаревымъ. Всѣ съѣхались, болѣе или менѣе, доброжелательными и вѣжливыми гостями, и не совершенно сочувствующіе возрожденію Польши увлекались новостью и блестящею обстановкою зрѣлища. Предъ ними, какъ предо всѣми, ставилась и разыгрывалась новая драма. На военныхъ же особенно отвѣчивались славные дни недавнихъ побѣдъ и вступленія въ Парижъ Побѣдителя.

IX.

Но пора спуститься съ временнаго подножія человѣка полуполитическаго, куда попалъ я, на смиренный участокъ, которымъ надѣленъ я въ области литературной.

Странное дѣло: очень люблю и высоко цѣню пѣвучесть чужихъ стиховъ, а самъ въ стихахъ своихъ нисколько не гонюсь за этою пѣвучестью. Никогда не пожертвую звуку мыслью моею. Въ стихѣ моемъ хочу сказать то, что сказать хочу; о ушахъ ближняго не забочусь, не помышляю и о томъ, что многое не ладитъ со стихами: стихи, или поэзія всего не выдерживаютъ. Коровы бываютъ и очень красивыя, но сѣдло имъ нейдетъ. Мысль, стихомъ осѣдланная, можетъ никуда не годиться. Мое упрямство, мое насильствованіе придаютъ иногда стихамъ моимъ прозаическую вялость, иногда вычурность. Когда Вьельгорскій просилъ у меня стиховъ, чтобы положить ихъ на музыку, онъ всегда прибавлялъ: только ради Бога, не умничай; мысли мнѣ не нужны, мысли на ноты не перекадываются. Вьельгорскій именно въ цѣль попалъ. Въ стихахъ моихъ я нерѣдко умствую и умничаю. Между

тѣмъ полагаю, что если есть и должна быть поэзія звукокъ и красокъ, то можетъ быть и поэзія мысли. Всѣ эти свойства или недостатки побудили Пушкина, въ тайныхъ замѣткахъ своихъ, обвинить меня въ *какофоніи* уже не слишкомъ-ли? Вотъ отмѣтка его: „Читалъ сегодня посланіе кн. Вяземскаго (видно онъ сердитъ, что величаетъ меня княжествомъ) къ Жуковскому (напечатанное въ Сынѣ Отечества 1821 года). Смѣлость, сила, умъ и рѣзкость; но что за звуки! *Кому былъ Фебъ изъ Русскихъ ласковъ*;—неожиданная рима *Херасковъ* не примируетъ меня съ такой *какофоніей*“ *).

Воля Пушкина, за благозвучность стиховъ своихъ не стою, но и нынѣ не слышу *какофоніи* въ помянутыхъ стихахъ. А вотъ въ чемъ дѣло: Пушкина разсердилъ и огорчилъ другимъ я стихомъ изъ этого посланія, а именно тѣмъ, въ которомъ говорю, что *языкъ нашъ римами блденъ*. Какъ хватило въ тебѣ духа, сказалъ онъ мнѣ, сдѣлать такое признаніе? Оскорбленіе Русскому языку принималъ онъ за оскорбленіе, лично ему нанесенное. Въ нѣкоторомъ отношеніи онъ правъ, какъ одинъ изъ высшихъ представителей этого языка; оно такъ. Но правъ и я. Въ доказательство, укажу на самого Пушкина и на Жуковскаго, которые позднѣе все болѣе и болѣе стали писать бѣлыми стихами. Русская рима и у этихъ богачей обносилась и затерлась. Впрочемъ, не сержусь на Пушкина за посмертный приговоръ. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость: Пушкинъ порочить *звуки* мои, но щедро восхваляетъ меня за другія свойства; не остаюсь въ накладѣ.

Малозвучность и другіе недостатки стиха моего могутъ объясниться слѣдующимъ. Я никогда не пишу стиховъ моихъ, а сказываю ихъ въ прогулкахъ моихъ; это не вполне *импровизація*, а что-то подобное тому, импровизація съ урывками, съ остановками. Въ этой пассивной стихотворческой гимнастикѣ бывають промахи и неправильныя движенія. Послѣ выпрямлю ихъ, говорю себѣ,—и иду далѣе, а когда окончательно кладу надуманное на бумагу, бываетъ уже поздно; поправить, выпрямить не удастся: поправить льнь, да и жаръ простылъ. Мало заботясь о нихъ, отпускаю стихи мои на Божій свѣтъ, какъ родились они, съ своими хорошими примѣтами, если таковыя есть, съ своими калѣбчностями, когда таковыя окажутся.

Что говорю о стихахъ своихъ, могу вообще сказать и о прозѣ своей. И тутъ и тамъ замѣтенъ недостатокъ отдѣлки, оконченности. Не продаю товара лицомъ, не обдѣлываю товара, а выдаю его сырымъ, какъ Богъ послалъ.

*) Црим. Хочу-ль сказать, къ кому Фебъ былъ изъ Русскихъ ласковъ?

Державинъ рвется въ стихъ, а втащится Херасковъ.

Это переводъ стиховъ Буало: La raison dit Virgile et la rime Quinault.

Скажу и здѣсь: если Карамзинъ и Пушкинъ бывали ко мнѣ строги, то порою бывали и милостивы. Они нерѣдко сочувствовали плодамъ пера моего, драли меня за уши, но гладили и по головкѣ, одобряли, поощряли меня. Тоже скажу о Дмитріевѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ, Баратынскомъ, Дашковѣ, Блудовѣ. Могу сказать, что я избалованъ былъ, какъ строгими замѣчаніями ихъ, такъ и похвальными отзывами. Въ самой строгой критикѣ, когда она основательна и смѣтлива, можетъ быть слышна нота сочувствія.

Х.

Повѣрятъ ли мнѣ, или нѣтъ, но утверждаю, что собственно для публики я никогда не писалъ. Когда я съ перомъ въ рукѣ, она мнѣ и въ голову не приходитъ. Впрочемъ, публика дѣлится на два разряда, а именно читающихъ и читателей. Тутъ почти таже разница, что между пишущими и писателями. Нечего и говорить, что въ томъ и другомъ случаѣ большинство на сторонѣ первыхъ. Признаюсь, во многомъ я не прочь отъ меньшинства; разумѣется, и числительная сила большинства имѣетъ достоинство свое. Напримѣръ, гораздо выгоднѣе имѣть при себѣ тысячу рублей, нежели десять; но едва ли не будетъ пріятнѣе имѣть за себя десять умныхъ людей, нежели тысячу глупцовъ. Впрочемъ, о вкусахъ спорить нечего. Я и не спорю.

При такомъ настроеніи моемъ, само собою разумѣется, что я никогда не подыскивался, не старался угождать прихотямъ и увлеченіямъ читающей публики, не ставилъ себѣ въ обязанность задобривать ее. Въ этомъ отношеніи за мною никакого художества, никакого *сочинительства* не бывало. Преимущественно писалъ я всегда для себя, а потомъ уже для тѣснаго кружка избранныхъ; въ нихъ не послѣднее мѣсто занимали мои избранницы. Критикой и похвалами ихъ бывалъ я равно доволенъ. Первою я часто пользовался съ повиновеніемъ, часто, а не всегда; другими радовался, а иногда гордился. На критику печатную обращалъ я вообще мало вниманія, съ нею не совѣтовался, ей не вѣрилъ. Это невѣріе крѣпко держится во мнѣ и нынѣ. Впрочемъ, настоящей критики, за рѣдкими исключеніями, у насъ не было; нѣтъ и теперь. Теперь еще менѣе, нежели прежде. Каченовскіе, Сенковскіе, Булгарины далеко не были свѣтилами критики; но все же была въ нихъ нѣкоторая литературная основа. Они кое-чему обучились, кое-что прочитали.

Въ старину, то-есть въ нашу молодость, выраженіе: *замихватской, замихватскоѣ* было въ общемъ употребленіи, преимущественно въ простонародіи и на офицерскомъ языкѣ. Нынѣ оно сдѣлалось заштатнымъ, какъ иные города, нѣкогда цвѣтушіе и довольно многолюдные. Слово

свое выжило, но сущность его осталась. Она легко можетъ быть примѣняема къ литературѣ, и особенно къ критикѣ.—„Да ты самъ тому виноватъ, сказалъ бы мнѣ Тургеневъ, ты самъ далъ тому примѣръ въ *Телеграфѣ*“.—Можетъ быть, скажу я. Но извѣстно, что послѣдователи худаго примѣра всегда еще ухудшаютъ его. Шалопайство пера гуляетъ по страницамъ журналовъ. Правда; есть и глубокомысленная или головоломная критика, но попробуй ее—и провалишься.

Иной, напримѣръ, ничему не учился, сдѣлался самоучкою невѣжества своего. Но въ умѣ, въ замашкахъ мысли его была какая-то бойкость и Русская смѣтливость; онъ кое-что угадывалъ. Но оставленное имъ по себѣ потомство наслѣдовало отъ него одно обширное невѣдѣніе; блестящія же качества его ускользнули отъ наслѣдниковъ. Вліяніе ложной школы, ложнаго авторитета утверждается въ обществѣ съ неизменною скоростью и крѣпостью, какъ вліяніе прилипчивой болѣзни. У насъ, напримѣръ, встрѣчаешь людей не безъ ума, не безъ дарованія и общей Европейской образованности, которые, не запинаясь, не заикаясь, ставятъ имъ подобнаго литературнаго выскочку рядомъ съ именемъ Пушкина, а можетъ быть еще готовы признать превосходство перваго надъ послѣднимъ, по благотворительному вліянію, которое тотъ и другой оказали на ходъ литературы нашей. Чтò прикажете дѣлать въ виду подобной ереси? Впрочемъ, плоды ея очевидны и поразительны.

Сказанное мною—не сѣтованія оскорбленнаго самолюбія, не придирки злопамятства. На моемъ долгомъ вѣку всего было довольно. И я жилъ въ счастливой Аркадіи, и меня хвалили, и мнѣ кланялись журналы, и меня называли печатно *остроумнѣйшимъ писателемъ*. И малоли еще какія бывали величанія. Меня и очень бранили. Все это дѣло житейское и бывалое. Скажу и я съ Пушкинымъ:

E sempre bene, господа!

Отъ журнальныхъ похвалъ не раздувался я, отъ браней не худѣлъ.

Позднѣ настала пора *заговора молчанія*. Критически печать меня живо похоронила; не потрудилась даже выставить надгробную надпись. Что же, почему и этому не быть? Мертвые срама не имутъ.

Les absents n'ont pas toujours tort, сказалъ я когда-то, mais ce sont les présents qui ont souvent tort. Особенно въ такую глухую пору, когда между отсутствующими числятся: Дмитріевъ, Батюшковъ, Жуковскій, Баратынскій и нѣкоторые другіе; когда Карамзинъ и Пушкинъ едва-ли уже не откланиваются предъ читающею публикою. Да, Господи Боже мой! какъ былъ бы я глупъ, если не умѣлъ бы цѣнить свое достохвальное исключеніе; могу только сказать съ смиреніемъ и благодарностью, что не по заслугамъ моимъ такая честь мнѣ оказывается.

Для полноты автобіографическихъ замѣтокъ, считаю нелишнимъ сказать слѣдующее. Стороною доходили до меня слухи, что въ нѣкоторой заливхатской печати хожу я подъ разными прозвищами забавными и насмѣшливыми. Честью удостоверяю, что эти выстрѣлы въ меня остались промахами для меня. Не имѣлъ я и не имѣю понятія о нихъ. Мнѣ даже прислали за границу для показа одну подобную статью. Такъ и лежитъ она у меня по сію пору недочитанная. Любопытство мое притупилось. Въ старину любилъ я гарцовать въ чистомъ полѣ предъ непріятелями своими, нынѣ и эта охота отпала; да и прежде не самолюбіе дѣйствовало во мнѣ, а какая-то задорливость. Баратынскій говаривалъ о мнѣ, что въ моихъ полемическихъ стычкахъ напоминаю я ему старыхъ нашихъ баръ, напримѣръ, Алексѣя Орлова, который любилъ выходить съ чернью на кулачный бой.

Если еще и нынѣ случается мнѣ тряхнуть стариною, то, право, не въ защиту свою, а просто отъ того, что приходится не въ терпѣжь, когда наши политическіе *репортеры* слишкомъ зарпортуются, или наши питомцы *сороковскихъ годовъ* (какая-то эгира, внесенная въ нашу литературную хронологію) слишкомъ заговорятся. Да, пожалуй, найдутся добрые люди, которые скажутъ, что въ словахъ моихъ сквозятъ сѣтованія литературнаго крѣпостника, жалѣющаго о блаженныхъ временахъ цензуры. Нисколько. Хотя довольно долго промышлялъ я дѣлами цензуры, хотя въ проѣздъ мой чрезъ Берлинъ одна изъ нашихъ заграничныхъ непризнаваемыхъ (*mésoppe*) знаменитостей, проходя мимо меня, и пробормотала про себя: „вотъ идетъ наша Русская цензура“, но я до цензуры не безусловный охотникъ. Не безусловный поклонникъ я и безусловныхъ льготъ свободной печати. Впрочемъ, желаю имъ здравствовать и процвѣтать, но съ тѣмъ, чтобъ этотъ цвѣтъ приносилъ зрѣлые и здоровые плоды. Не слѣдуетъ забывать, что льготы дарованныя печати не всегда еще открываютъ путь истиннымъ успѣхамъ литературы. Бываетъ и такъ, что онѣ только развязываютъ руки самонадѣяннѣмъ посредственностямъ.

За границую получаю нѣсколько Русскихъ газетъ и журналовъ, но, признаюсь, мало читаю ихъ, а выписываю для очистки совѣсти. Жизнь такъ коротка, а мой остатокъ и такъ еще окороченъ, что берегу время свое на чтеніе болѣе полезное и пріятное. Можетъ быть, вслѣдствіе того я и виноватъ предъ журналами и газетами нашими и пропускаю безсознательно многія сокровища, которыя въ нихъ таятся. Но на ловца звѣрь бѣжитъ: какъ-то попадаю я чаще на слѣдъ краснаго звѣря политической или литературной безтактности, незнанія первыхъ элементарныхъ правилъ литературнаго благоприличія; скажемъ откровенно однимъ словомъ, на глупость или на безсовѣстную неправду.

Нѣтъ сомнѣнія, что и нынѣ есть въ литературѣ нашей почетныя личности, которыя уважаю и мнѣніемъ которыхъ дорожу. Вполнѣ признаю и цѣню ихъ судъ, всегда готовъ совѣтоваться съ ними и покоряться совѣтамъ ихъ. Но не менѣе того, я какъ-то одинокъ въ современной литературѣ нашей. Нѣтъ уже прежнихъ спутниковъ моихъ, ровесниковъ, такъ сказать, единовѣрцевъ. Нѣтъ того полного сочувствія, которое развилось и окрѣпло на родной почвѣ товарищества, общихъ привычекъ, понятій, склонностей, направленій. Теперь, когда напишу что-нибудь, чѣмъ я самъ доволенъ и что кажется мнѣ удачно, не чувствую потребности, увлеченія прочесть сгоряча написанное мною друзьямъ моимъ. Этихъ друзей уже нѣтъ. Мнѣ, и радуясь собою, грустно радоваться одиноко. Не могу бѣжать къ Батюшкову, Жуковскому, Пушкину, чтобы подѣлиться съ ними свѣжимъ, только-что сорваннымъ съ вѣтки плодомъ моей мысли, моего вдохновенія. Оцѣнка ихъ была бы и моею окончательною оцѣнкою; одобреніе ихъ было бы освященіемъ моей радости. Это одиночество, можетъ быть, и есть поводъ къ нѣкоторому охлажденію къ этому себѣ, и, можетъ быть къ малому сочувствію, и часто равнодушію, къ тому, что у насъ пишется.

ХІ.

Выше было уже сказано, что я вообще писалъ не усидчиво, а болѣе урывками. Въ литературной жизни моей были только два періода довольно постоянной дѣятельности, а именно, когда я участвовалъ въ изданіи журнала *Телеграфъ* и когда писалъ біографію фонъ-Визина. Обѣ дѣятельности были почти случайныя. Одна обязана холерѣ, другая вотъ какимъ обстоятельствамъ. Полевой былъ въ то время еще литераторомъ *in partibus infidelium*. Едва ли не противъ меня были обращены первыя дѣйствія его. По крайней мѣрѣ ему приписывали довольно бранное посланіе на имя мое, напечатанное въ *Вѣстникъ Европы*, въ отвѣтъ на мое извѣстное, и также не слишкомъ вѣжливое, посланіе къ Каченовскому. Какъ бы то ни было, Полевой со мною познакомился и бывалъ у меня по утрамъ. Однажды засталъ онъ у меня графа Михаила Вьельгорскаго. Рѣчь зашла о журналистикѣ. Вьельгорскій спросилъ Полеваго, что онъ дѣлаетъ теперь.—Да покамѣстъ ничего,—отвѣчалъ онъ. Зачѣмъ не примитесь вы издавать журналъ? продолжалъ графъ. Тотъ благоразумно отнѣкивался за недостаткомъ средствъ и другихъ приготовительныхъ пособій. Юноша былъ тогда скромный и застѣнчивъ. Вьельгорскій настаивалъ и преслѣдовалъ мысль свою; онъ указалъ на меня, что я и пріятели мои не откажутся содѣйствовать ему въ предпріятіи его, и такъ далѣе;—дѣло было рѣшено. Вотъ какъ, въ кабинетѣ дома моего, въ Чернышевскомъ переулкѣ, за-

чато было дитя, которое послѣ надѣлало много шума на бѣломъ свѣтѣ. Я закабалилъ себя *Телеграфу*. Почти въ одно время закабалилъ себя Пушкинъ *Московскому Вѣстнику*. Но онъ скоро вышелъ изъ кабалы, а я втерся и въѣлся въ свою всѣми помышленіями и всѣмъ тѣломъ. Журнальная дѣятельность была по мнѣ. Пушкинъ и Мицкевичъ увѣряли, что я рожденъ памфлетѣромъ, открылось бы только поприще. Иная книжка *Телеграфа* была на половину наполнена мною, или матеріалами, которые сообщалъ я въ журналъ.

Журналъ удался: отъ него пахло новизною. Многое изъ напечатаннаго въ немъ входитъ нынѣ въ собраніе сочиненій моихъ. Но, вѣроятно, не все. За давностью не упомяну всего. Своихъ не познаше. Сначала медовые мѣсяцы сожитія моего съ Полевымъ шли благополучно, работа кипѣла. Не было недостатка въ досадѣ, зависти и брани прочихъ журналовъ. Все это было по мнѣ; все подстрекало, подбивало меня. Я стоялъ на боевой стѣнѣ, стрѣлялъ изъ всѣхъ орудій, партизанилъ, наѣздничалъ и подъ собственнымъ именемъ, и подъ разными заимствованными именами и буквами. *Журнальный сыщикъ* все ловилъ на лету. Потѣха, да и только! Но послѣ издатель началъ дѣлать попытки по своему усмотрѣнію: печаталъ статьи, изъяслялъ мнѣнія, которыя выходили совершенно въ разрѣзъ съ моими (прибавлю—не въ отношеніи политическомъ и либеральномъ,—нѣтъ, просто въ личномъ и чисто-литтературномъ). Мнѣ это не понравилось, и я отказался отъ сотрудничества. Впрочемъ, можетъ быть, и Полевой радъ былъ моему отказу. Журналъ довольно окрѣпъ, участія моего было уже не нужно, а между тѣмъ, по условію, долженъ былъ я получать половину чистой выручки. Журналисту и человѣку коммерческому легко было расчестъ, что лучше не дѣлать барыша, а вполне оставить его за собою. Что же? Полевой былъ правъ, и я нисколько не виню его. Былъ правъ и я. Литтературная совѣсть моя не уступчива, а щекотлива и брезглива. Не умѣетъ она мирволить и входить въ примирительныя сдѣлки. Жуковскій, а особенно Пушкинъ оказывали въ этомъ отношеніи болѣе снисходительности и терпимости. Я былъ и остался строгимъ пуританиномъ.

При переѣздѣ въ Петербургъ на житье принималъ я участіе въ *Литтературной Газетѣ* Дельвига, позднѣе въ *Современникѣ* Пушкина. Но дѣятельность моя тутъ и тамъ далека была отъ прежней моей телеграфической дѣятельности.

Надъ Москвою въ 1830 г. грянула холера. Передъ тѣмъ пріѣзжалъ я, или, говоря служебнымъ языкомъ, былъ откомандированъ въ Москву графомъ Канкринимъ для устройства первой промышленной выставки въ Москвѣ.

Появленіе холеры въ столицѣ застало меня въ подмосковной, въ селѣ Остафьевѣ. Часть семейства моего въ немъ жила. Нужно было, безъ отлагательства, рѣшиться на одну изъ двухъ предстоявшихъ мѣръ: остаться въ деревнѣ, или сейчасъ перебраться съ дѣтьми въ городъ. Черезъ нѣсколько часовъ Москва должна быть оцѣплена: по дорогамъ учреждены карантинны. Въ Москвѣ уже гнѣздилась болѣзнь; но въ ней были всѣ врачебныя пособія и удобства, чтобъ по возможности бороться съ нею. Въ деревнѣ ея не было, могла она и не быть. Но въ случаѣ вторженія мы были бы совершенно безоружны противъ врага. Отвѣтственность, лежавшая на мнѣ, какъ на отцѣ семейства, была тяжелая, и, признаюсь, не по силамъ моимъ. Вообще, я не человѣкъ скорыхъ и окончательныхъ рѣшеній. Въ борьбѣ съ жизнью я болѣе Фабій *Кунктаторъ*, болѣе свойства выжидательнаго. Здѣсь же отвиливать, мѣшкать было нечего. Я рѣшился оставаться въ деревнѣ. Богъ меня надоумилъ и благословилъ рѣшеніе мое. Первое время заточенія было тяжкое. Всегда ожидаю скорѣе худаго, нежели надѣюсь на хорошее. Мало по малу мы обжились въ своемъ карантинѣ. Для развлеченія моего, пришла мнѣ счастливая мысль. Давно задумалъ я заняться біографіею фонъ-Визина. Нѣсколько страницъ было уже написано; матеріаловъ подъ рукою было довольно. Вспомнилъ я о нихъ, принялся за работу, и она закипѣла. Подъ бокомъ у меня была бібліотека обширная, иностранная и Русская. Она была для меня богатою житницею. За работу принялся я не съ пустыми руками: пересмотрѣлъ, перебралъ, перечиталъ многіе десятки книгъ историческихъ и литературныхъ. Тутъ на опытъ убѣдился я въ пользѣ и правдивости ученія, что *все во всемъ* (tout est dans tout). Все въ мірѣ, часто незамѣтно, но болѣе или менѣе связывается и держится между собою. Ни въ физическомъ, ни въ нравственно-человѣческомъ мірозданіи нѣтъ пустыхъ мѣстъ. Все послѣдовательно и соотвѣтственно занято. Нерѣдко одно слово, одно имя, одно малѣйшее событіе можетъ васъ увлечь въ разнообразныя и далекія изысканія. Такъ было и со мною. Много историческихъ сочиненій перебралъ я по поводу фонъ-Визина; прочиталъ я, или пробѣжалъ почти всю старую Русскую словесность, между прочимъ едва ли не всего Сумарокова. Прочиталъ я даже болѣе половины многотомнаго собранія *Россійскаго Театра*. Подвигъ, скажу, Геркулесовскій, болѣе — Бенедиктинскій. Иногда изъ цѣлой книги извлекалъ я двѣ-три строки, два-три слова, нужныя мнѣ для одной повѣрки, для одной замѣтки. Тредьяковскій и Фридерикъ Великій, въ своихъ историческихъ запискахъ, были мнѣ равно полезны. По возможности, все писанное мною было обдуманно и провѣрено. Терпѣніе и трудъ мой были вознаграждаемы сознаніемъ, что поступаю добросовѣстно. Никогда

письменная работа, ни прежде, ни послѣ, не была для меня такъ увлекательна, какъ настоящая, на которую навела меня холера. Работалъ и писалъ я прилежно, усидчиво, по цѣлымъ часамъ до обѣда, вечеромъ за полночь.

Уже при послѣднихъ издыханіяхъ холеры навѣстилъ меня въ Остафьевѣ Пушкинъ. Разумѣется, не отпустилъ я его отъ себя безъ прочтенія всего написаннаго мною. Онъ слушалъ меня съ живымъ сочувствіемъ пріятеля и судилъ о трудѣ моемъ съ авторитетомъ писателя опытнаго и критика меткаго, строгаго и свѣтлаго. Вообще болѣе хвалилъ онъ, нежели критиковалъ. Между прочимъ находилъ онъ, что я слишкомъ живо нападаю на фонъ-Визина за мнѣнія его о Французахъ, и слишкомъ горячо отстаиваю Французскихъ писателей. При всей просвѣщенной независимости ума Пушкина, въ немъ иногда пробивалась патріотическая щекотливость и ревность въ отношеніи суда его надъ чужестранными писателями. Этого чувства я не знаю. Какъ бы то ни было, день, проведенный у меня Пушкинымъ, былъ для меня праздничнымъ днемъ. Скромный работникъ, получилъ я отъ мастера-хозяина одобреніе, то есть лучшую награду за свой трудъ.

Книга, написанная мною, долго пролежала у меня. Для полноты автобіографическаго очерка своего, скажу о ней еще нѣсколько словъ. Я уже замѣтилъ, что однажды написанное мною не что иное, какъ отрѣзанный ломоть. Оно уже не входитъ въ составъ жизни моей, не живая часть меня. Отпадшіе листья не принадлежатъ уже дереву, которое породило и вскормило ихъ. Вотъ что вывело фонъ-Визина моего на бѣлый свѣтъ. Въ отсутствіи (иногда довольно продолжительныя) директоро́въ, я управлялъ департаментомъ вѣшной торговли; при немъ издавалась *Коммерческая газета* и была типографія. По старому ремеслу обращалъ я на нихъ особенное вниманіе. Управляющій типографіею былъ человекъ знающій свое дѣло и усердный къ нему. Онъ часто просилъ меня дать ему что-нибудь моего на станки его. Я вспомнилъ о спящей царевнѣ своей, то-есть о рукописи, и отдалъ ее въ типографію. Фонъ-Визинъ былъ напечатанъ, помнится мнѣ, въ числѣ шести или осьми сотъ экземпляровъ. Отданы были они на руки книгопродавцамъ. Кажется, изданіе разошлось. На мою долю выручка пала, много сказать, экземпляровъ на сто, прочіе какъ-то улетучились. *Nabent sua fata libelli*, особенно мои. Книга разошлась, но какъ-то молча. По крайней мѣрѣ не случалось мнѣ встрѣчать въ журналахъ общей оцѣнки ея, изслѣдованій по существу. Были однѣ случайныя отмѣтки о нѣкоторыхъ частностяхъ. Бывали изъ нея и заимствованія, но тоже не гласныя: меня также обходили молча. А, казалось бы, книга открывала поле для критики мыслящей и дѣльной. Если не была

она литературное событіе, то все же была любопытная и довольно серьезная попытка. Впрочемъ, молчанію о ней были и свои законныя причины. Бранить книгу было какъ-то не ловко; брани мало поддавалась она. Не за что было ухватиться. Хвалить ее также не подобало. Въ это время литературныя фонды мои значительно понизились на журнальной биржѣ, и не мои одни; другіе капитальныя домѣ, не то что моя фирма средней руки, были мало по малу подорваны, и довѣріе къ нимъ было поколеблено. Видите ли въ чемъ дѣло? Я тогда уже пересталъ слыть либераломъ, а по сознанію Бѣлинскаго, главнаго основателя, пророка и законодателя новаго вѣрованія, вся суть литературы заключается въ либерализмѣ. Мы, можетъ быть, по-своему и оставались либералами, но либерализмъ нашъ былъ стараго покроя. Нашъ заключался въ правилахъ и чувствахъ, а не въ жаргонѣ (*jargon*), то-есть не въ какомъ-то условномъ, искусственномъ, поддѣльномъ нарѣчій. Какъ бы то ни было, обо мнѣ молчали.

Одинъ Гоголь открыто подаль голосъ за меня, но и то не совсѣмъ удачно, то-есть, не въ мѣру. Гоголь, хотя и Малороссъ, то-есть человекъ осторожный и себѣ на умѣ, бывалъ подь часть чистокровный Великороссъ, то-есть кидался въ крайности:

О Россѣ, о родѣ великодушный,
О твердо-каменная грудь!

(*Державинъ*).

Мы любимъ идти на-проломъ и на-удалую. Запой есть не только особенно свойственная Русскому человѣку физическая болѣзнь, она и нравственная. Мы почти все дѣлаемъ запоемъ, и дурное, и хорошее. Проспавшись и отрезвившись, мы не отвѣчаемъ за сказанное и сдѣланное нами въ припадкѣ своемъ. Такъ обыкновенно судятъ и присяжные засѣдатели въ уголовныхъ дѣлахъ, предаваемыхъ сужденію ихъ.

Вотъ слова Гоголя: „Изъ поэтовъ времени Пушкина отдѣлился князь Вяземскій. Хотя онъ началъ писать гораздо прежде Пушкина, но такъ какъ его полное развитіе было при немъ, то упомянемъ о немъ здѣсь. Въ князѣ Вяземскомъ—противоположность Языкову. Сколько въ томъ поражаетъ нищета мыслей, столько въ этомъ обиліе ихъ. Стихъ употребленъ у него, какъ первое попавшееся орудіе: никакой наружной отдѣлки его, никакого также сосредоточенія и округленія мысли, затѣмъ чтобы выставить ее читателю, какъ драгоценность. Онъ не художникъ и не заботится обо всемъ этомъ. Его стихотворенія—импровизаціи, хотя для такихъ импровизацій нужно имѣть слишкомъ много всякихъ даровъ и слишкомъ приготовленную голову. Въ немъ собралось обиліе необыкновенное всѣхъ качествъ: наглядка, наблюдательность, неожиданность выводовъ, чувство, умъ, остроуміе, веселость

и даже грусть; каждое стихотвореніе его—пестрый фараонъ всего вмѣстѣ. Онъ не поэтъ по образованію: судьба, надѣливши его всѣми дарами, дала ему какъ бы въ придачу талантъ поэта, затѣмъ чтобы составить изъ него что-то полное. Въ его книгѣ, *Біографія фонъ-Визина*, обнаружилось еще виднѣе обиліе всѣхъ даровъ, въ немъ заключенныхъ. Тамъ слышенъ въ одно и тоже время политикъ, философъ, тонкій оцѣнщикъ и критикъ, положительный государственный человѣкъ и даже опытный вѣдатель практической стороны жизни, словомъ—всѣ тѣ качества, которыя долженъ заключать въ себѣ глубокой историкъ въ значеніи вышемъ, и еслибы такимъ же перомъ, какимъ начертана біографія фонъ-Визина, написано было все царствованіе Евкатерины, то можно сказать почти навѣрно, что подобнаго по достоинству историческаго сочиненія не представила бы намъ Европа. Но отсутствіе большаго и полнаго труда есть болѣзнь князя Вяземскаго, и это слышится въ самыхъ его стихотвореніяхъ. Въ нихъ замѣтно отсутствіе внутренняго гармоническаго согласованія въ частяхъ, слышенъ разладъ: слово не сочеталось со словомъ, стихъ со стихомъ; возлѣ крѣпкаго и твердаго стиха, какого нѣтъ ни у одного поэта, помѣщается другой, ничѣмъ на него не похожій; то вдругъ зацеमितъ онъ чѣмъ-то вырваннымъ живьемъ изъ самаго сердца, то вдругъ оттолкнетъ отъ себя звукомъ, почти чуждымъ сердцу; слышна несобранность въ себя, неполная жизнь своими силами; слышится на днѣ всего что-то придавленное и угнетенное. Участь человѣка, одареннаго способностями разнообразными и очутившагося безъ такого дѣла, которое бы заняло всѣ до единой его способности, тяжелѣе участи послѣдняго бѣдняка. Только тотъ трудъ, который заставляетъ цѣликомъ всего человѣка обратиться къ себѣ и уйти въ себя, есть нашъ избавитель. На немъ только, какъ говорить поэтъ:

Душа стремится, крѣпнетъ воля,
И наша собственная доля
Опредѣляется виднѣй“.

(Полн. собр. сочин. Н. В. Гоголя. Москва. 1862, III, стр. 459—461).

Уфъ! Задыхаюсь и изнемогаю и отъ похвалъ, которыя нагромоздилъ на меня Гоголь, и отъ протяжности періода, въ которомъ онъ, однимъ духомъ, сколотилъ всѣ эти похвалы. Вотъ куда слѣдовали бы точки и двоеточія, которыхъ требовалъ отъ меня Дмитріевъ. Выпискою нашею хотѣли мы указать на преувеличеніе, которымъ увлекался авторъ. Мы сердечно благодарны ему за лестный отзывъ его обо мнѣ и о трудѣ моемъ. Если сбавить и на половину все то, что имъ сказано, то и тогда еще будетъ съ меня избыточно довольно. Но разберемъ критически эти похвалы.

Во-первыхъ, какую можно опредѣлить равномѣрность между біографіею частнаго челоука и исторіею долгаго и славнаго царствованія великой Государыни?

Во-вторыхъ, положимъ, что исторія, написанная мною, была бы удовлетворительна, почему ничего *подобнаго, по достоинству, историческаго сочиненія не представила бы намъ Европа?* Вотъ здѣсь наталкиваемся мы на Великороссійское самохвальство. Обыкновенно, въ смиреніи мы тише воды, ниже травы; въ высокомѣрії мы выше кедра Ливанскаго.

Писать исторію, даже романъ, мнѣ никогда въ голову не приходило. Однажды, по кончинѣ Пушкина, императоръ Николай, въ благоволительномъ разговорѣ со мною, спросилъ меня: не возьмусь ли я продолжать трудъ Пушкина относительно исторіи Петра Великаго? Съ благодарностью, но и съ сознаниемъ способностей и недостатковъ своихъ, отклонилъ я милостивое и лестное предложеніе.

Въ томъ же мѣстѣ, Гоголь послѣ большихъ похвалъ не скупится и на укоризны. Между прочимъ говоритъ онъ: „отсутствіе большаго и полнаго труда есть болѣзнь князя Вяземскаго“. Съ этимъ приговоромъ я совершенно согласенъ, но съ оговоркою. Полно, *болѣзнь* ли это?—развѣ недостатокъ. И когда сей недостатокъ сознаваемъ самимъ челоукомъ и, глядя на другихъ, не затѣваетъ онъ труда выше силъ своихъ, то эта мнимая *болѣзнь* есть, напротивъ, признакъ *здоровья*, а *недостатокъ* есть сила *здравомыслія*. Лучше казаться больнымъ, а быть здоровымъ, нежели казаться здоровымъ, а на дѣлѣ оказаться больнымъ.

XII.

Теперь нѣсколько словъ о самомъ изданіи всего написаннаго мною въ прозѣ. О стихотвореніяхъ рѣчь впереди. Первый вопросъ заключается въ томъ: всего ли меня печатать, или только выборку изъ меня? Съ своей стороны я болѣе держался послѣдняго соображенія. Но благопріятели мои, которые приняли на себя трудъ собрать воедино разбросанное стадо мое, порѣшили иначе. Покоряюсь волѣ ихъ. Изданіе нѣкоторыхъ стихотвореній моихъ подъ названіемъ „Въ дорогѣ и дома“ совершилось также безъ прямаго или исключительнаго участія моего. Оно составлено по почину и главному распоряженію покойнаго Лонгинова. Я былъ тогда за границею, по болѣзни моей, и признаюсь, оставался довольно равнодушень къ исходу этого предпріятія. Вполнѣ благодарень я ему за трудъ, добросовѣстно и съ умѣніемъ имъ исполненный; но скажу откровенно, что я не совершенно согласенъ съ нимъ относительно выбора его изъ моихъ стихотвореній. Инаго не внесъ бы я въ избранное собраніе, другое, какъ, напримѣръ (исчисляю ихъ

по памяти): *Унынїе*, *Первый снѣгъ*, *Посланїе къ Денису Давыдову* и нѣкоторыя другія стихотворенія, по сочувствію моему, имѣли бы болѣе права на перепечатаніе, нежели другія, попавшіяся въ книгу.

О нынѣшнихъ добродѣющихъ издателяхъ моихъ скажу, что они, можетъ, быть и правы, издавая и предавая меня на судъ читателей цѣликомъ. Литтературная жизнь писателя есть также своего рода жизнь человѣка. „Еже писахъ, писахъ“: что прожилъ, то прожилъ. Выходи на этотъ судъ, каковъ ты ни есть. Судья, то-есть читатель и критикъ, присудятъ сами, что должно тутъ пойти на правую сторону, что ошую; я же тутъ при рѣшеніи суда и приговорѣ остаюсь ни при чемъ. Впрочемъ, меня будутъ судить заднимъ числомъ, по большей части не меня настоящаго, а меня нѣкогда бывшаго. Со всѣмъ тѣмъ скажу откровенно и безъ лицепрїятія, что собраніе сочиненій моихъ имѣетъ нѣкоторое законное основаніе, *sa raison d'être*. Я все-таки, хорошо или худо, былъ человѣкомъ литтературнымъ, ничего изъ человѣчески-литтературнаго не было мнѣ чуждо. Изъ классическаго образованія своего помню изреченіе: *Homo sum...*

Насъ на Руси немного. Пробѣловъ оставлять не подобаетъ. Какъ уже сказалъ я: въ природѣ пустыхъ мѣстъ нѣтъ, и все во всемъ, слѣдовательно есть мѣсто и мнѣ.

Кажется, довольно откровенно говорилъ я о своихъ писательскихъ недостаткахъ. Да позволено мнѣ будетъ быть присяжнымъ стряпчимъ за себя и выставить то, что признаю добрыми качествами своими.

Начну съ того, что отыскиваю въ себѣ собственное, коренное, родовое; ничего не перенималъ я, никому раболѣпно не слѣдовалъ. Скажу съ Французомъ: рюмка моя маленькая, но пью изъ своей рюмки, а что рюмка моя не порожняя, тому свидѣтель Пушкинъ. Онъ гдѣ-то сказалъ, что я одинъ изъ тѣхъ, которые охотнѣе вызываютъ его на споръ. Слѣдовательно, есть во мнѣ чѣмъ отспориваться. Пушкинъ не наткнулся бы на пустое. Споры наши бывали большою частью литтературные. Въ политическихъ вопросахъ мы вообще сходились; развѣ бывало иногда разномысліе въ такъ-называемыхъ чисто-Русскихъ вопросахъ. Онъ хотя вовсе не Славянофилъ, примыкалъ нерѣдко къ понятіямъ, сочувствіямъ, умозрѣніямъ, особенно отвращеніямъ замкнутой въ самой себѣ Россіи; я вообще держался понятій международныхъ, узаконившихся у насъ вслѣдствіе преобразования древней Россіи въ новую; совершившагося по почину и богатырской волѣ и силѣ Петра. И мнѣ иногда хотѣлось сказать Пушкину съ Александромъ Тургеневымъ: „да съзвди, голубчикъ, хоть въ Любекъ“.

Есть у меня свойство, которое можно назвать погрѣшностью, но можно назвать его и избыткомъ. Я держусь послѣдняго опредѣленія.

Въ статьяхъ моихъ, вообще во всемъ, что пишу, встрѣчается много вводныхъ подробностей, отступленій отъ прямого текста, замѣчается какая-то штучная, наборная, нерѣдко мозаическая работа. Я какъ будто боюсь не успѣть другой разъ высказать все, что у меня на умѣ: не вѣрю въ завтрашній день и спѣшу сегодня же высказать весь мой мѣшокъ. Это, разумѣется, вредитъ общему построению и единству изложенія моего, но за то оно придаетъ сытность содержанию. Кормлю гостя моего разнообразіемъ пищи, по крайней мѣрѣ не держу его на сухоядѣніи.

Позволяю себѣ неологизмы, то есть прибавленія къ словарю Россійской Академіи; но по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ кажется, вольности мои не произвольны, а вытекаютъ обыкновенно изъ самаго состава и наказа языка. Напримѣръ—и за примѣромъ идти не далеко—за нѣсколько строкъ предъ симъ употребилъ я слово *сытность*, котораго нѣтъ въ нашихъ словаряхъ, даже у Даля, а этому слову слѣдуетъ быть, потому что есть слово *сытный*. *Сытность* имѣетъ другое значеніе: *сытность* можетъ произвести *сытность*—то-есть что-то въ родѣ пресыщенія. Я полагаю, что почти всѣ прилагательныя наши могутъ быть преобразуемы въ существительныя нарицательныя. Почему изъ слова *прекрасное* не сдѣлать намъ слово *прекрасность*, какъ мы изъ *будущее* вывели *будущность*? *Прекрасность* выражаетъ свойство красоты. И такъ далѣе. Есть *неологизмы* и *чужесловія*, которыя просятся въ нашъ языкъ. Смѣшно, изъ какого-то педантизма или патріотизма, не оказывать имъ гостепрѣимства; мы все полагаемъ, что нашъ языкъ очень богатъ;—согласенъ, но во многомъ онъ и очень бѣденъ. Разумѣется, хозяину должно умѣть выбирать гостей своихъ, а не растворять дверей настежь предъ всякимъ сбродомъ, какъ то бываетъ часто у нашихъ писателей.

Умъ мой былъ воспитанъ и образованъ во Французской школѣ. Я учился и другимъ иностраннымъ языкамъ, занимался по временамъ Нѣмецкою, Англійскою, Италіянскою литературою, но все это были, болѣе или менѣе, случайныя знакомства. Связь моя укрѣпилась съ одною Французскою литературою, особенно минувшаго столѣтія. Это, кажется, сильно отозвалось во мнѣ. Вообще я не полиглотъ, не Мезофант (съ которымъ былъ я знакомъ въ Римѣ и который писалъ мнѣ Русскіе стихи). Но при всемъ моемъ Французскомъ отпечаткѣ, сохранилъ или пріобрѣлъ я много и Русскаго закала. Простонародныя слова и выраженія попадались мнѣ подъ перо, и нерѣдко, кажется, довольно удачно. Впрочемъ, за простонародьемъ никогда и не гонялся, никогда не искалъ я образовать школу изъ него. Этотъ Русскій ключъ, который пробивался во мнѣ изъ-подъ Французской насыпи, можетъ быть, родо-

вой, наслѣдственной. Родитель мой также былъ питомцемъ и представителемъ Французской образованности. Между тѣмъ, Жуковскій говорилъ мнѣ, что онъ всегда удивлялся ловкости и сноровкѣ, съ которою въ разговорѣ переводилъ онъ на Русскую рѣчь мысль, видимымъ образомъ, сложившуюся въ умѣ его по-французски. Впрочемъ, я много прочелъ Русскихъ книгъ. Когда Жуковскій готовилъ изданіе *Образцовыхъ сочиненій*, я много помогалъ ему и перерылъ цѣлую кипу Русскихъ книгъ, особенно стараго времени, если не древнихъ. Но, кажется, и въ самомъ умѣ моемъ есть какой-то Русскій сгибъ и складъ. Эта смѣсь Французскаго съ Нижегородскимъ, надъ которою смѣялся Чацкій, имѣеть, можетъ быть, свою и хорошую сторону.

Говоря выше о своихъ занятіяхъ филологическихъ, забылъ я сказать, что въ разныя времена первой молодости моей изучалъ я и Латинскій языкъ и Римскую литературу, особенно Овидія и Горація. Въ старыхъ бумагахъ моихъ отыскиваю цѣлыя страницы, исписанныя мною на Латинскомъ языкѣ. Но латынь не далась мнѣ, не укрѣпилась за мною, какъ вообще не укрѣпляется она за нами, Русскими. У насъ нѣтъ ни исторической, ни народной почвы для латынства. Въ насъ на Сѣверѣ нѣтъ ничего Латынскаго, ничего того, что людямъ прирождено на Западѣ и на Югѣ. Разумѣется, не протестую противъ изученія классическихъ языковъ; хочу только примѣромъ своимъ отмѣтить, что, за весьма рѣдкими исключеніями, ученіе это легко испаряется изъ насъ, потому что оно мало примѣнимо къ дѣйствительности. Впрочемъ, былъ такой случай, что меня всенародно провозгласили и классикомъ. Расскажу его, въ надеждѣ, что онъ позабавитъ нѣкоторыхъ читателей, утомившихся моими частыми отступленіями. Однажды пріѣхалъ я въ свою Костромскую вотчину, въ извѣстное въ краю торговое и промышленное село Красное. Въ Воскресенье, по совершеніи обѣдни, священникъ сказалъ мнѣ въ церкви привѣтственную рѣчь. Говорилъ онъ съ жаромъ, народъ слушалъ съ благоговѣніемъ. Выхваляя мои гражданскія и помѣщичьи доблести, продолжалъ онъ, указывая на меня: „Вы не знаете еще какого барина Богъ вамъ далъ; такъ знайте же, православные братья: онъ Русскій Горацій, Русскій Марціалъ!“ При каждомъ изъ этихъ именъ, народъ отвѣшивалъ мнѣ низкіе поклоны и чуть ли не совершалъ знаменія креста. Можно себѣ представить, каково было слушать мнѣ и какую рожу дѣлалъ я при этой выставкѣ и пыткѣ.

Подъ конецъ—маленькая исповѣдь: перечитавъ написанное мною выше, вижу, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отзываюсь и сужу я иногда довольно и, можетъ быть, излишне рѣзко. Сознаюсь и каюсь. Каюсь—то каюсь, но не исправляюсь. Такъ бываетъ и со многими покаяніями.

Настоящая статья, какъ уже сказано, есть что-то въ родѣ отчета за минувшее мое: родъ предсмертнаго духовнаго завѣщанія. Предъ смертью лукавить грѣшно и смѣшно: ни въ мѣшкѣ, ни въ могилѣ шила не утаишь. Умолчанія и упущенія здѣсь неумѣстны; не хочу казаться хуже, чѣмъ я есмь, но не хочу казаться и лучше; также не желаю никого оскорбить, но не желаю и задобривать. Человѣкъ, хотя нѣсколько принадлежащій общественной дѣятельности на томъ или другомъ поприщѣ, подлежитъ съ своими хорошими и худыми качествами общественному суду: онъ его достояніе и собственность. До поры и до времени не каждый въ правѣ, не каждый имѣеть уполномочіе касаться до этой собственности. Но самому можно распоряжаться собственностью своею, распоряжаться самимъ собою.

Былъ у меня пріятель, даже другъ: остались мы друзьями до конца; нынѣ уже нѣтъ его на свѣтѣ. Онъ жилъ за границею. Императоръ Николай бывалъ иногда недоволенъ грѣхами языка моего, и давалъ мнѣ это чувствовать. Пріятель мой зналъ это; между тѣмъ портретъ мой висѣлъ въ кабинетѣ его, который Государь долженъ былъ занять въ одну изъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ. Какъ тутъ быть? Оставить ли обличительный портретъ какъ онъ есть, или, для ббльшей осторожности, снять его на время со стѣны? Наконецъ, храбро и великодушно рѣшился онъ на первое. Позднѣ говорилъ онъ женѣ моей, что хотѣлъ оказать себя предъ Государемъ въ полной обстановкѣ своей, и выгодной, и неблагопріятной. Подобно и я: оставляю на стѣнѣ портретъ мой, во весь ростъ; ничего не утаиваю изъ него, ничего въ немъ не поправляю. Какъ я есмь, какъ онъ есть, такъ и будетъ онъ друзьямъ и благоволителямъ на память, другимъ на судъ и порицаніе.

